

Николай Анциферов

«Такова наша
жизнь в письмах»
1900 – 1950

НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Переписка

**Николай Анциферов.
«Такова наша жизнь в
письмах»: Письма родным и
друзьям (1900–1950-е годы)**

«НЛО»

Николай Анциферов. «Такова наша жизнь в письмах»: Письма
родным и друзьям (1900–1950-е годы) / «НЛО», — (Переписка)

ISBN 978-5-44-481455-0

Николай Павлович Анциферов (1889–1958) – выдающийся историк и литературовед, автор классических работ по истории Петербурга. До выхода этого издания эпистолярное наследие Анциферова не публиковалось. Между тем разнообразие его адресатов и широкий круг знакомых, от Владимира Вернадского до Бориса Эйхенбаума и Марины Юдиной, делают переписку ученого ценным источником знаний о русской культуре XX века. Особый пласт в ней составляет собрание писем, посланных родным и друзьям из ГУЛАГа (1929–1933, 1938–1939), – уникальный человеческий документ эпохи тотальной дегуманизации общества. Собранные по адресатам эпистолярные комплексы превращаются в особые стилевые и образно-сюжетные единства, а вместе они – литературный памятник, отражающий реалии времени, историю судьбы свидетеля трагических событий XX века.

ISBN 978-5-44-481455-0

© НЛО

Содержание

К публикации эпистолярия Николая Анциферова	6
1900–1920-е годы	26
Письма Фортунатовым 61	26
Дополнение	43
1920–1930-е годы	46
Письма Татьяне Борисовне Лозинской 140	46
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Николай Анциферов «Такова наша жизнь в письмах»: Письма родным и друзьям (1900—1950-е годы)

Николай и Татьяна Анциферовы с детьми Сергеем и Таней. 1927

К публикации эпистолярия Николая Анциферова

Петроградцам и русской эмиграции 1920-х годов имя Николая Павловича Анциферова было хорошо известно по вызвавшим острую полемику¹ книгам о судьбе литературного образа Северной Пальмиры «Душа Петербурга», «Петербург Достоевского», «Быль и миф Петербурга»². Современному читателю Анциферов знаком благодаря изданию в 1992 году его воспоминаний «Из дум о былом»³, ставшему знаковым событием для эпохи перестройки и демократизации общественно-политических институтов бывшего СССР. Публикация научного наследия Анциферова⁴ в начале 2000-х годов восстановила его в ряду выдающихся историков литературы и общественной мысли, из которого он был изгнан в 1930 году как враг народа – контрреволюционер, запятнавший себя связью с историками-монархистами С. Ф. Платоновым, Е. В. Тарле, Ю. В. Готье.

Главные вехи драматической судьбы ученого парадоксальным образом сплелись с классицистическими усадьбами и парками России, античными виллами и ренессансными палаццо Европы, этими земными прообразами гармонии и красоты небесной, и inferнальной их трагедии – местами принудительного заключения: Соловками, Белбалтлагом и Уссурийским концлагерем. Парадоксом кажется и то, что посвятивший себя изучению и сохранению городской культуры Анциферов не был горожанином и с городской культурой впервые познакомился в 10-летнем возрасте, после переезда в Киев. Сын преподавателя Уманской сельскохозяйственной академии, он родился в усадьбе Софиевка – маленьком Версале в украинских степях с рукотворными прудами, темными гротами, мраморными статуями языческих богов, одушевлявшими рукотворную красоту классицистического парка. В 1891 году, после назначения отца директором Никитского Ботанического сада, двухлетний мальчик с родителями, Павлом Григорьевичем и Екатериной Максимовной, переехал на Южный берег Крыма. Здесь, в сени развалин храма Дианы, в оливковых рощах, среди камней, осененных античной древностью, под чтение Гомера и греческих мифов он пристрастился к воображаемым путешествиям в сияющий мир Древней Эллады. Вера в созданные фантазией ребенка Острова блаженных, где нет места страданиям и смерти и куда в воображении он переселял любимых людей и животных, была поколеблена болезнью отца. Смерть Павла Григорьевича, последовавшая в 1897 году, заставила осиротевшую семью покинуть Никитский сад и переехать в Польшу, в имение Чарторыйских в Пулавах. Тут разместился Ново-Александровский сельскохозяйственный институт, где возглавлял кафедру двоюродный брат Павла Григорьевича Николай Михайлович Сибирцев, выдающийся ученый естествоиспытатель, вместе с В. В. Докучаевым создавший новую фундаментальную научную дисциплину почвоведение. Затем, после переезда в Киев в 1899 году, местом детских игр и обучения мальчика был Ботанический сад при Киевском университете, где директорствовал отец его друзей С. Г. Навашин. Во время частых посещений Москвы

---

¹ Голубева И. А. Петр Николаевич Столпянский – историк Санкт-Петербурга. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 188; Брюсов В. Я. Среди стихов: 1894–1924: Манифесты, статьи, рецензии. М.: Советский писатель, 1990. С. 631; Последние новости. 1922. 8 ноября. № 16. С. 3; George V. Florovsky. The Soul of St. Petersburg by N. P. Antsiferov. The St. Petersburg of Dostoevsky by N. P. Antsiferov // The Slavonic Review. 1926. Vol. 5. № 13 (Jun.). P. 193–198; [Чижевский Д. И. Рец. на кн.:] Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Пб.: Брокгауз–Ефрон, 1922; Анциферов Н. П. Петербург Достоевского. Пб.: Брокгауз–Ефрон, 1923 // Современные записки. Париж, 1928. Кн. 35. С. 542–547. (Подпись: П. Прокофьев.)

² Анциферов Н. П. Душа Петербурга. Быль и миф Петербурга. Петербург Достоевского. Репринтное воспроизведение изданий 1922, 1923, 1924 гг. М., 1991.

³ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М., 1992.

⁴ Анциферов Н. П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность (Фрагменты) (1918–1942) / Публ., коммент. А. Свешникова, Б. Степанова // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник-2003. М., 2004; Он же. Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций / Публ., послесловие Д. С. Московской. М.: ИМЛИ РАН, 2009.

центром притяжения стали парк и дом бывшего имения графа Разумовского (Петровское-Разумовское), где поселилась семья новоалександрійского знакомого Анциферовых профессора А. Ф. Фортунатова, одного из сподвижников Н. М. Сибирцева. Последними парками жизни Н. П. были Петергофский (лето 1918 г.), Павловский (лето 1921–1922 гг.) и, наконец, «прекрасный Царскосельский сад», с которым связаны самые личные его воспоминания. Здесь 5 февраля 1914 года венчанием в храме иконы Божией Матери «Знамение» было положено начало жизни молодой семьи Николая Анциферова и Татьяны Оберучевой.

Свадебное путешествие в Рим, Венецию, на Капри было для них недолгим временем безмятежного счастья. Возвращаясь в памяти к этим дням спустя четверть столетия, Анциферов переживал их уже в ореоле знания о страданиях и гибели тех, кто это счастье с ним делил. Перспектива времени наполнила воспоминания указаниями на знаки судьбы, смысл которых стал внятен лишь годы спустя. Таким знамением была картина Джорджоне «Гроза», ради свидания с которой он и ожидающая первенца его юная супруга совершили паломничество в опустелый дом князя Джованелли в Венеции. На заднем плане картины очертания града Золотого века с сияющими на фоне лазурных небес белыми стенами, башнями, куполами, на переднем – мать, кормящая младенца, и белый аист – образы, исполненные почти пасторального умиротворения: «На полотне – художник, сын, жена, / И в ней сама любовь воплощена». Так Байрон описал смысл изображенного в поэме «Беппо», но мемуаристу виделось нечто иное – «заря жизни, уже омраченная грозой»: фигуры воина и матери с младенцем, разметанные по разные стороны бурлящего потока, пара срезанных колонн, оборванная аркада, грустный взгляд молодой женщины и приближающаяся буря со вспышками молний в темных тучах. Это было мрачное пророчество, в скором времени сбывшееся: окончание свадебного путешествия по Европе совпало с началом Первой мировой войны. «Молния прорезала тучу. Это был конец старого мира. Так в Венеции кончилась для нас одна жизнь и началась другая, с тихим светом и бесконечными, все сокрушающими грозами. Венеция стала навсегда памятным рубежом»⁵.

В 1920-х годах в царских садах Северной Пальмиры Анциферов вел экскурсионную работу, защищал их от разрушения в обществе «Старый Петербург» и в качестве члена Центрального бюро краеведения. Монументальному облику города он посвятил лекционные курсы в Петроградском экскурсионном институте и Институте истории искусств. В этой научно-практической деятельности создавалась его «петербургская трилогия», посвященная литературным отражениям исторической судьбы «самого умышленного на земле города» (Ф. М. Достоевский).

Петербург, дав Анциферову друзей, семью, учителя, заменившего отца, – историка-медиевиста, профессора Петербургского университета Ивана Михайловича Гревса, спустя недолгий срок отнял часть своих даров. В Гражданскую войну в Царской Славянке под Петроградом умерли от дизентерии его дети: четырехлетняя Таточка и годовалый Павлинька, и Смоленское кладбище, где они были похоронены, стало для семьи местом паломничества. В Царском Селе перед этапированием на Соловки он в последний раз видел свою умирающую от чахотки жену. Ранней осенью 1929 года в Феодоровском соборе ее отпели – он же отбывал срок в Кемь. Весной 1941 года в Детском Селе он читал начальные главы своих мемуаров И. М. Гревсу, не подозревая, что это последняя его встреча с любимым *padre*. В 1942 году из Детского Села была угнана в Германию дочь-подросток Татьяна, и в Ленинграде во время блокады умер от болезней и голода сын Сергей, Светик. Сюда последней военной весной вернулся Анциферов из Москвы, чтобы увидеть пепелище на родине своей молодости.

Научно-практическая деятельность ученого трижды прерывалась арестами и ссылками. В 1924 году по обвинению в доношительстве он был осужден на три года к вольной ссылке

⁵ Анциферов Н. П. Отчизна моей души. Воспоминания о путешествиях в Италию / Отв. ред. М. Н. Талалай; сост., подготовка текста, вступ. статья Д. С. Московской. М.: Старая Басманная, 2016. С. 167.

в Омске. Приговор спустя два месяца был отменен. В 1929 году он был арестован по делу философско-религиозного кружка «Воскресенье», в 1930 году дополнительно привлечен по «делу Академии наук» – вредительства на историческом фронте. Отбывал ссылку в Соловецком лагере особого назначения, затем в Белбалтлаге на Медвежьей горе. В 1933 году, досрочно освобожденный, он избрал для жительства Москву. Начатое после второго ареста сотрудничество Анциферова с Государственным литературным музеем, завершившееся в марте 1937 года переходом туда на работу в качестве старшего научного сотрудника экспозиционного отдела, оборвалось новым арестом. В начале 1938 года он по этапу прибыл в Амурлаг. После отмены приговора в 1939 году вернулся в Москву и продолжил работу в ГЛМ сначала руководителем отдела литературы XIX века, затем, после тяжелого инсульта, консультантом. В годы Великой Отечественной войны Анциферов не покидал Москвы. В 1943 году был принят в члены Союза советских писателей; в июле 1944 года в Институте мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. (Опыт построения образа города – Петербурга Достоевского – на основе анализа литературных традиций)».

В 1933 году, после возвращения из Белбалтлага, Анциферов стал жителем арбатских переулков, где в коммунальной квартире № 1 дома 41 по Большому Афанасьевскому переулку прожил 23 года своей московской жизни. В Москве он нашел верного спутника – Софью Александровну Гарелину, был окружен друзьями – семьями Лосевых, Чуковских, Реформатских, здесь его навещали Томашевские, приезжали друзья юности. В довоенные годы у него на Арбате гостила дочь Татьяна, после войны – сын погибшего в блокаду Светика маленький Миша Анциферов.

Анциферова не стало 2 сентября 1958 года. Он был отпет в старинном московском храме Ильи Обыденного на Остоженке, похоронен на Ваганьковском кладбище и связан с московской землей уже навсегда.

* * *

«В основе культуры – память», – говорил С. О. Шмидт⁶, и с этой точки зрения переписка Анциферова – принявшее форму эпистолярия продолжение его основной научно-практической деятельности как социального историка (краеоведа) по сохранению культурной памяти общества и борьбы за качество этой памяти. Среди его собеседников были известные деятели науки и культуры, и он оставил после себя более двух тысяч писем, к ним адресованных и рассеянных ныне по крупнейшим архивохранилищам Москвы и Санкт-Петербурга. Сюжетообразующее начало анциферовского эпистолярного комплекса автор определил его же формулой «Такова наша жизнь в письмах»⁷ – судьба человека, «случайно попавшегося на дороге» истории (А. И. Герцен). Античный архетип, странствия злосчастного Одиссея, преодолевающего время и пространство в стремлении вернуть утраченную семью и родину, стал сквозным для мемуаров и эпистолярия ученого. И здесь Анциферов – яркий представитель культуры Серебряного века и как глубокий почитатель наследия ее главных творцов, Владимира Соловьева и Александра Блока, и по мироощущению, сакрализирующему обыденность. Анциферову свойственен «панэтизм», представление о нравственной сущности жизни как предначиненного человеку страдальческого пути, на «конце которого стоит радость» (А. П. Платонов). Его мысль о жизни как о трудном духовном восхождении и мучительном прозрении находит выражение в аллюзийном слое его мемуаров и писем, отсылающем к строкам Вл. Соловьева: «В тумане утреннем неверными шагами / Я шел к таинственным и чудным берегам. <...> Рас-

---

⁶ Шмидт С. О. После 75. Работы 1997–2001 годов. М.: РГГУ, 2012. С. 151.

⁷ Наст. изд. С. 316.

сеялся туман, и ясно видит око, / Как труден горный путь и как еще далёко, / Далёко всё, что грезилось мне. / И до полуночи неробкими шагами / Всё буду я идти к желанным берегам, / Туда, где на горе, под новыми звездами, / Весь пламенеющий победными огнями, / Меня дождется мой заветный храм».

Символическое осмысление событий русского XX века и собственного места в них сформировало «дантевский» подтекст его эпистолярия: «Земную жизнь пройдя до половины, / Я очутился в сумрачном лесу, / Утратив правый путь во тьме долины», – окрасивший его письма трагическими (в аристотелевском понимании трагического как заблуждения) тонами. *Namartia* – ошибка, не означающая вины, и потому воспоминания побуждают в мемуаристе бесстрашие и готовность принять с благодарностью свою судьбу: «Жизнь-спячка хуже всего. И я свою жизнь ни с кем не меняю, со всеми ее муками, со всей ее горечью»⁸. В страданиях, которые нес осознанно и «бережно», он стал тайновидцем «внутренней действительности» истории. В не опубликованном при жизни эссе «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность», датированном 1918–1942 годами, мы встретим знаменательное рассуждение: «Наблюдая свершающуюся судьбу <...> души человечества в целом, мы замечаем ее глубоко трагичный характер. Это дает нам право рассматривать историю как трагедию, в которой постоянно извращается воплощаемая идея <...> превращающаяся <...> в свою противоположность. Катарсис <...> в этой трагедии достигается путем искупительных страданий целых народов. Чая глубокий смысл этой трагедии, недоступной нашему эвклидову уму, мы прозреваем в ней действие еще не узнанной силы. История-трагедия – превращается в историю-мистирию»⁹.

Катарсис человеческой истории и частной человеческой судьбы, испытавшей на себе действие «неузнанной силы», – источник эстетизации жизни, превращающей нехудожественный жанр частного письма или дневника в автобиографический миф, в котором он как главный герой «предельными испытаниями доказывает подлинность своей личности»¹⁰, а этическое начало становится житетворческим – и потому эстетическим актом. Опыт души, заблудившейся в поисках Истины, ушедшей от нее на «страну далече» и в страданиях обретшей ее, – то, что в первую очередь было предметом анциферовской архивации, изображения и передачи потомкам. Прошлое виделось ему в ликах и красках Фра Анджелико и Нестерова. Думы о настоящем обращали к образам, созданным живописцем «той картины, которая висит в нашей комнате между книжными полками», – свидетельствовал он в письме из Амурлага Гарелиной¹¹. Сохранившаяся фотография арбатского приюта Анциферова позволяет установить имя живописца и название картины: «Возвращение блудного сына» Рембрандта.

Характерная особенность воспоминаний и писем ученого – сопровождающий их и звучащий все отчетливее в моменты особых испытаний аккомпанемент цитат, приводимых по памяти и порой неточно, из любимых произведений Пушкина, Ахматовой, Гумилева, Тютчева, Фета, Вл. Соловьева, из воспоминаний и переписки Герцена, из публицистики Достоевского, произведений Тургенева, Шекспира, уже упомянутых Гомера и Данте, отсылок к сюжетам итальянской живописи Чинквеченто, музыкальным темам Вагнера, Бизе, Россини. Они помогали страдальцу «выпрямиться» (Гл. Успенский), увидеть очищенную от бытовых нестроений, от «жизни мышью беготни», от звериных страстей и кровавой борьбы непоправную высокую идею событий и явлений, убедиться в близости – «золотой век в кармане» – непобедимой и неуничтожимой красоты потерянного и обещанного человечеству Рая.

---

⁸ Наст. изд. С. 404.

⁹ Анциферов Н. П. Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность // Исследования по истории русской мысли. М., 2004. С. 107–162.

¹⁰ Лукач Г. Своеобразие эстетического. М.: Прогресс. Т. 2. 1986. С. 428.

¹¹ Наст. изд. С. 288.

Анциферов осваивал, «приживляя» к своему образу мыслей и чувствований, духовно значительные высказывания, почерпнутые из произведений современников. Как автобиографический документ читается переписанный им без указания на автора фрагмент из письма А. Блока: «Я бесконечно отяжелел от всей жизни, и Вы помните это и не думайте <нрзб> о лени, о всем слабом, грешном и ничтожном во мне. Но во мне есть, правда, одна сотая того, что бы надо передать кому-то, вот эта лучшая моя часть могла бы выразиться в желании Вашему ребенку, человеку близкого будущего. Это пожелание такое: пусть, если только это будет возможно, он будет человеком мира, а не войны, пусть он будет спокойно и медленно созидать истребленное семью годами ужаса. Если же это невозможно, если кровь еще будет в нем кипеть и бунтовать, и разрушать, как во всех нас, грешных, – то пусть уж его терзает всегда и неотступно прежде всего совесть, пусть она хотя бы обезвреживает его ядовитые, страшные порывы, которыми богата современность наша и, может быть, богато ближайшее будущее. <...> Жалейте и лелейте своего будущего ребенка, если он будет хороший, какой он будет мученик, он будет расплачиваться за все, что мы наделали, за каждую минуту наших дней»¹². Как нечто личное, освоенное и усвоенное, воспринимается выписка из романа Ф. А. Степуна «Николай Переслегин» о прагматике памяти, освобождающей высокую идею событий прошлого. По ней можно реконструировать философско-этическую программу мемуарного труда, задуманного Анциферовым в Амурлаге: «...я считаю память самою благородною душевною силою человека. Вспоминать и облагораживать, это, по-моему, почти одно и то же. Преступления нашей жизни память облагораживает путями стыда и раскаяния, образы страсти путями охлаждения и одухотворения. Значительные переживания, даруемые нам жизнью испещренными будничными случайностями, сгущаются памятью в сплошные духовные массивы, и даже серость будней превращается ею из простой бесцветности в ценный момент красочной сложности жизни. Поистине память является, по-моему, и самым строгим судьей, и самым талантливым создателем нашей души»¹³.

В жизненных перипетиях, которые ученый комментирует литературными сюжетами и образами, он поэт и философ-символист, демиург, из тех, кого Вяч. Иванов назвал наследниками «Творящей Матери»¹⁴. Принципиально новым было то, что свой преображенный мир, свой «идеал богоявленный» Анциферов запечатлевал на «лице земли»¹⁵ эпохи социалистической реконструкции. Теургическую силу идеала он использовал трезво и продуктивно в невыносимых исторических обстоятельствах для строительства собственной личности и судьбы. Порождающей моделью для этого масштабного жизненного эксперимента была интуиция Достоевского о «Золотом веке в кармане»¹⁶. Ее избрал Анциферов, чтобы жить и выжить, не потерпев разочарований и не впад в романтические иллюзии: «Жизнь есть рай, и все мы в раю, да не хотим знать того, а если бы захотели узнать, завтра же и стал на всем свете рай», «Жизнь есть рай, ключи у нас»¹⁷.

Публикатор и комментатор воспоминаний Анциферова назвал его «последним интеллигентом» советской эпохи: «Сложившаяся в юности романтическая ориентация („человек 40-х годов“) определила то возвышенное отношение к действительности, которое ученый пронес через жизнь вопреки всем катастрофам. Стремясь во всех встреченных им людях выделить и подчеркнуть светлое начало, он и каждое изучаемое явление истории или культуры окрашивал в теплые тона личного отношения и отчаянно страдал, когда факты не укла-

¹² ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 30. Л. 1.

¹³ ОР РНБ. Ф. 27. Ед. хр. 70.

¹⁴ Иванов Вяч. Творчество // Иванов В. И. Собрание сочинений: В 4 т. Брюссель, 1971–1987. Т. 1. 1971. С. 537.

¹⁵ Иванов Вяч. Там же.

¹⁶ См. об этом подробнее в главе 16 «Петербург Достоевского и Золотой век» в изд.: Анциферов Н. П. Проблемы урбанизма... С. 447–474.

¹⁷ Цит. по: Там же. С. 450.

дывались в созданную его воображением идиллическую картину»¹⁸. Идеализм как способность верить в «вымышленные факты» и «отчаянно страдать», когда реальность опрокидывает вымысел, укладывается в эстетическую программу романтизма, однако Анциферов-ученый не был романтиком по характеру своей профессиональной подготовки и научной методологии. Прошедший семинары И. М. Гревса по духовной и материальной культуре европейских городов Средневековья и Возрождения, он сделал предметом изучения роль идей в общественном развитии, а основным источниковедческим ресурсом в исследовании движущих сил исторического процесса служили ему данные литературы и искусства. В цитированном выше эссе «Историческая наука как одна из форм борьбы за вечность» ученый дает яркий пример того, как общественные ценности и идеалы способны стать фактом, определяющим события и формы общественного бытия. Так, официальная историческая наука не признала факта посещения Рима ап. Петром, однако, как пишет Анциферов в своем эссе, образ апостола в течение тысячелетий наполнял собой «все камни» этого города, превратив легендарное событие в исторический факт. Подобно римлянам жители Северной столицы сохранили веру в пушкинскую легенду о Петербурге как «Петра творенье», которую они впитали «чуть ли не с молоком матери»¹⁹. Череда переименований Петербурга в XX веке подтверждает силу пушкинского «вымысла»: город вернул себе данное при рождении имя. Октябрьская революция доказала жизнестроительную силу идеи, направляющей ход событий. В 1924 году Анциферов записал в дневнике: «Был в музее Революции»²⁰. Этот музей наряду с журналом „Былое“²¹ и другими создают новую священную историю. Это Исход, Книга Царств, Паралипоменон и Маккавеи. Есть свои пророки, апостолы, мученики и Иуды. Нельзя оставаться равнодушным, осматривая эти комнаты и вспоминая о героических „деяниях“ и подвижнических „житиях“. Как коммунисты превращаются на практике в исторических идеалистов, как они прекрасно осмыслили силу пропаганды, т. е. власть идей. Как они умеют культивировать личность! Как они осмысляют процесс революционной борьбы и освобождения как исторический процесс (Гракхи, Спартак, Мазаньелло, Анабаптисты и т. д.). Там, где им нужно, там, где они любят, – они понимают историю. Запрещение постановки „Китежа“ и „Хованщины“»²². И в другом месте – в ответ на критику своей «Души Петербурга»: «На слово душа поднято гонение. Это последовательно. Недавно на меня напал в „Красной газете“ Исаков. Он тоже из мундирных. Возмущался строчкой из моей статьи: „бытие и сознание взаимообусловлены“. Вот тут непоследовательно. Если отрицать воздействие идеи на жизнь – зачем пропаганда, зачем цензура?»²³

Жизнь Анциферова – свидетельство осознанного, если не сказать научного, акта применения в бытовых целях платонической идеи вещи как обладающей не только «особого рода действительностью», но и «силой, направляющей ее жизнь, ее конечной причиной и ее конечной целью»²⁴. «Я полюбил свет, – пишет он жене из концлагеря, не чая вернуться домой, – который открылся мне, и возненавидел борющийся с ним, желающий поглотить его – мрак. <...> Хорошее – хрупко. Вот итог. Хочется оградить, спасти его – вот задача. Но хорошее бывает не только стекло, которое дробит „тяжкий млат“»²⁵. Но оно бывает и булат, который под уда-

¹⁸ Добкин А. И. [Вступительная статья] // Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 4.

¹⁹ Столянский П. Н. Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург. СПб.: НеГа, 1995. С. 10. В указанном издании Столянский попытался, ссылаясь на архивные источники, опровергнуть эту «легенду».

²⁰ До 1955 г. Музей революции располагался в Зимнем дворце.

²¹ «Былое» – журнал, посвященный истории русского революционного движения и Гражданской войны. Выходил в Петербурге–Петрограде–Ленинграде в 1906–1907, 1917–1926 гг.

²² Анциферов Н. П. Думы и дни // Анциферов Н. П. «Радость жизни былой...» Проблемы урбанизма / Отв. ред. Д. С. Московская. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2014. С. 591–592.

²³ Там же. С. 604.

²⁴ Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. С. 80–81.

²⁵ Реминисценция из поэмы А. С. Пушкина «Полтава»: «Так тяжкий млат, / Дробя стекло, кует булат».

рами не дробится, а получает четкую форму – согласно своему назначению. Вот на этом булате еще и держится жизнь, и верю – будет держаться. Не все же хорошее хрупко»²⁶. Письма Анциферова – это неустанная работа мысли по выявлению «истинного бытия в бытии относительном» (Вяч. Иванов).

Публикуемый впервые эпистолярный представляет яркое многообразие этого жанра как особой формы общения: письма любовные, семейные, дружественные, воспоминания, философские эссе, обращения деловые, дружески-разговорные, лирические. Собранные под одной книжной обложкой, они образуют стилевое и сюжетно-содержательное единство, способное обогатить сокровищницу отечественной культуры еще одним, прежде неизвестным, литературным памятником XX века. Главным его мотивом являются размышления о смысле дружбы и любви, которые предстают как постоянное духовное усилие по преодолению своей индивидуалистической замкнутости, восполнению собственной неполноты перенесением смысла существования с себя на другого. Важнейший посыл этой этической программы укоренен в учении о всеединстве Вл. Соловьева, конгениален концепции диалога М. М. Бахтина, ленинградского знакомого Анциферова, учению еще одного мыслителя из круга общения Анциферова, А. А. Ухтомского, о «Заслуженном собеседнике», – в которых нашло отражение персоналистическое понимание онтологии. Подавлению или одержанию (у Бахтина эта идея выразилась в понятиях «роковой теоретизм», «монологизм», «самозванное серьезничанье»; у Ухтомского – в категории «Двойник») был противопоставлен диалог, где нет ни доминирования, ни одержания, но есть «Собеседник» и возможность его «заслужить».

Письма о любви и письма, исполненные любви, – один из самых духовно высоких комплексов в составе публикуемой переписки. Зародившееся в Киеве в канун Пасхи 1907 года чувство к Татьяне Оберучевой: «Меня поразило <ее> лицо... с точеными чертами. Тогда я видел только глаза, из которых лучился синий свет. Эти глаза смотрели внимательно, с каким-то тайным вопросом. <...> они осветили своим синим светом всю мою жизнь»²⁷, – расцветает и достигает вершины радости и страдания, составляя фон и тему писем 1910–1920-х годов к Фортунатовым. Тайное обручение 25 марта 1912 года, венчание, свадебное путешествие, рождение детей, их гибель, смерть Татьяны, эти стремительно сменяющиеся картины – аллегро в симфонии жизни Анциферова. Новый этап – рондо, ссылка, каторжные работы на Медвежьей горе. Рядом с ним – «лучшая из женщин», его Gratia, его Агнесса, Татьяна Лозинская, важнейшее звено, соединяющее его настоящее с прошлой «родной жизнью»: «Мне было бы хорошо, если бы не память. Романтики (из плохих) мечтали о забвении. Но я больше всего дорожу своей памятью. Я хочу остаться при ней, хотя ее постоянной спутницей является мука. <...> И я полюбил страдания, потому что в них жизнь и в них любовь»²⁸. Ее приезды на Медвежью гору с детьми, Светиком и Танюшей, перенесение центра собственной жизни на друга в ущерб собственной семье (Анциферов даже осмеливается слегка упрекнуть ее: «Я помню, что в этом Вы идете так далеко, что отрицаете этическую ценность за материнской любовью») – формы, которые принимает зародившаяся между ними «идеальная», в соловьевском смысле, любовь, связывавшая их четыре долгих, исполненных душевных мук года: «И только Вы во всем оставшемся моем родном мире поддерживаете меня в моей жизни, которая переходит к моим детям. Только возле Вас я чувствую себя вполне самим собой, со своей жизнью. Как Вы, дорогая, нужны мне. Может быть, это очень нехорошо, что я пишу Вам не о Вас самих, но о Вас в отношении себя»²⁹.

---

²⁶ Наст. изд. С. 281.

²⁷ Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 123.

²⁸ Наст. изд. С. 80–81.

²⁹ Наст. изд. С. 86.

«Откровение идеального существа» в чувстве к Лозинской предваряет возвращение к самому себе – реальному, из плоти и крови, в новом, земном влечении к Софье Александровне Гарелиной и порождает новую тему в переписке с Лозинской – тему падения, измены самому себе, эгоистического выбора, совершенного в ее глазах адресатом. Анциферов, в отличие от Лозинской, отказывается от ложного идеализма, призывает ее увидеть любовь как путь Эроса, как процесс, в котором раскрывается «становящийся» человек: «...но, Татьяна Борисовна, я теперь не понимаю, как это может быть, когда для меня прошлое живо, как настоящее. Мной так все было пережито, что, зачатое тогда, дает теперь всходы, раскрывается во всей своей глубине. Вы понимаете – это же жизнь! И реальная жизнь, неужели Вы этого не поймете. Ведь все же прошлое длится, растет, раскрывается, наполняет. Итак, это одно. А второе, что может спасти меня как Н. П. (это уже Ваша формула) – это то, что какая же женщина может меня полюбить таким, заполненным неумирающей, нетленной любовью. Ведь Татьяне Николаевне я-то не изменю. Понимаете, если женюсь – я себе изменю. Но ей-то я не смогу изменить. С ней-то я останусь, так кто же захочет такого полюбить, такому отдать себя. Вы, женщина, отвечайте! Так что, Татьяна Борисовна, тут дело не в идеологии, а в фактах, не в сознании, а в бытии»³⁰.

Вспоминая первый московский год, Анциферов в письмах Гарелиной из Амурлага называет его «подобием второй молодости»: «Жизнь вновь разворачивалась передо мною. Я шел, и, казалось, земля гудит под ногами. Столько сил, столько бодрости чувствовал в себе, несмотря на тяжкий груз последних лет. И вновь казалось новым все ощущение бытия. А наряду с этим – приступы тоски о былой жизни, о доме, об умерших, и мрак одиночества среди даже друзей»³¹. Он стоял у порога неведомого грядущего, где решалось, как будто помимо него, остаться ли ему жить прошлым или приветствовать «звоном щита» новую весну: «Я ушел <...> в мрак зимней ночи, когда так крутил снег над сугробами и так жутко гудела черная вода под Москворецким мостом. Я шел пешком. И этот мрак, эта выюга – звали меня идти из жизни. И я тогда не понимал, что ведь это был зов жизни, что это одиночество – так жгуче трагичное – вело меня к тебе. <...> Как оттуда тянуло на Арбатскую площадь, там, мимо памятника Гоголю – к дому на Б. Афанасьевском»³², где ждала его Софья Александровна.

Письма Анциферова к Софье Александровне Гарелиной (самый большой объем их переписки приходится на годы пребывания в Амурлаге) – это новый этап духовной жизни, новый для него опыт познания смысла любви в аду повседневности (который Анциферов тщательно документирует, и это еще одна перспектива, раскрывающаяся в публикуемом корпусе текстов), неотступный духовный труд по раскрытию в любимой и восстановлению в самом себе «идеального существа», неподвластного земному человеческому злу. Мысли, зарожденные общением с Татьяной Лозинской, вернулись, теперь уже в ревнивых и тревожных письмах Гарелиной, и в своей на них реакции он остался верен сознанию своего права на новую любовь: «...существо <...> любви, существо брака требует единства через всю жизнь. Только те, для которых реален лишь текущий момент, для которых прошла только тень, только те до конца могут быть правы, вступая во вторичный брак. Там в душе, где должен быть алтарь единому, – двое. Все это так, когда мы, благословенные судьбой, являемся творцами своей жизни. Но наряду с этим я понял и другое. Воплощаемая во времени жизнь осложняет все многими планами. Она сталкивает с другими жизнями. <...> Никогда ни одним движением души я не изменял Тане. <...> какое преступление совершил бы я перед жизнью, если бы заглушил, подавил нашу любовь, когда она засияла тебе и мне»³³.

---

³⁰ Наст. изд. С. 121.

³¹ Наст. изд. С. 323.

³² Наст. изд. С. 323–324.

³³ Наст. изд. С. 288.

Эпистолярный Анциферова – уникальный опыт сохранения, вопреки повсеместному торжеству предельной социальной и духовной энтропии, и претворения в реальность этически ориентированной программы жизни, умозрительно выработанной в почти идеальных условиях безбедного существования в «соловьином саду» юности: среди душистых трав Крыма, во фьордах Норвегии, на берегах швейцарского Фирвальдштет-зее, в многомесячных путешествиях с друзьями и общении с ними. Письма Анциферова – это история человека, который «становится художественной формой для самого себя и тем самым творцом художественного произведения», имя которому жизнь³⁴.

* * *

Археографической базой настоящего издания послужил личный фонд Н. П. Анциферова, хранящийся в соответствии с волей фондообразователя в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Порядок представления эпистолярных комплексов определен хронологией. Публикацию открывают письма из фонда семьи Фортунатовых, хранящегося в Отделе рукописей Государственного исторического музея. Из более чем ста писем Анциферова разным представителям семьи Фортунатовых предметом публикации стали самые ранние из сохранившихся послания ученого, охватывающие период с начала 1900-х по 1925 год. Они адресованы Алексею Федоровичу, дом которого заменил Анциферову родной дом, и его сыну Григорию Алексеевичу, дружбу с которым ученый поддерживал всю свою жизнь.

Следующим по хронологии стал комплекс писем (64 письма, 1929–1947) к ближайшему другу Анциферова Т. Б. Лозинской. Коллекция документов была передана в ОР РНБ в 2018 году, его научное описание еще не завершено.

Как уже отмечалось, самым большим собранием в фонде Анциферова является его переписка со второй супругой Софьей Александровной Гарелиной. В настоящем издании представлен самый драматический период их жизни, отраженный в письмах 1934–1939 годов. Во время пребывания в Амурлаге Анциферову удавалось обмениваться письмами с женой в среднем по два раза в неделю, что объясняется близостью железнодорожной ветки, которая действовала круглый год. Первая исследовательница лагерной переписки Анциферова Э. Джонсон предполагает, что часть корреспонденции передавалась Гарелиной по нелегальным каналам, другие письма со штампами характерной геометрической формы говорят о том, что они были проверены цензурой, работавшей в почтовой системе лагерей.

Письма Анциферова к директору Государственного литературного музея Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу представляют автора с официальной стороны, как сотрудника этого учреждения. Не менее важно в публикуемой переписке свидетельство неутомимой деятельности Бонч-Бруевича по защите «широкого круга людей, подвергшихся необоснованным репрессиям в 1930-х – 1940-х гг.»³⁵. История деловых и личных отношений Анциферова и Бонч-Бруевича восходит к 1936 году, ко времени участия обоих в подготовке Всесоюзной Пушкинской выставки. Работавший здесь в качестве эксперта Бонч-Бруевич заметил способности и умения Анциферова как музейного работника. В том году он, уже неоднократно получавший от Политбюро ЦК ВКП(б) упреки в потере бдительности и даже во «вредительских действиях»³⁶, недавно лишившийся высокого родственного, в лице снятого с должности нар-

---

³⁴ Степун Ф. А. Жизнь и Творчество // Логос. 1913. Кн. 3–4. С. 115.

³⁵ Житомирская С. В., Гапачко Л. В., Шлихтер Б. А. Архив В. Д. Бонч-Бруевича // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. М.: ГБЛ СССР, 1962. Вып. 25. С. 72–73.

³⁶ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б)–ВКП(б)–ВЧК–ОГПУ–НКВД о культурной политике. 1917–1953 гг. М., 2002. С. 214, 759.

кома внутренних дел Г. Г. Ягоды, покровительства, не побоялся принять бывшего врага народа на работу в Государственный литературный музей. Но столь радостная и долгожданная для Анциферова работа была прервана арестом и ссылкой в Уссурийский край. Среди документов нового уголовного процесса, возбужденного против 48-летнего ученого, – обстоятельная справка за подписью Бонч-Бруевича с политической и деловой характеристикой подопечного, данная по специальному запросу ОГПУ 14 сентября 1937 года. По возвращении из Амурлага в январе 1940 года Анциферов был вновь принят на работу в ГЛМ высоко ценившим его Бонч-Бруевичем. С 1940 года ученый был целиком вовлечен в издательские и экспозиционные проекты музея, о которых идет речь в публикуемой ниже переписке, охватывающей период с 1937 по 1953 год. Письма печатаются по первоисточникам из фонда В. Д. Бонч-Бруевича Отдела рукописей Российской государственной библиотеки и Российского государственного архива литературы и искусства.

«Мальчик с рыжим хохолком» – таким для Анциферова навсегда остался его ученик по Тенишевскому училищу, многолетний корреспондент и адресат Георгий Александрович Штерн, переписка с которым завершает книгу. Судя по письмам, Анциферов принимает самое деятельное участие в жизни семьи Штерн: рождение и воспитание детей, бытовые и служебные трудности, семейные проблемы, присылка книг и денег («на молоко детям»), беспокойство о здоровье слепнувшего друга. Для поддержки семьи любимого ученика Анциферов взялся написать статью «Михайловское» в Большую советскую энциклопедию, гонорар за которую он перечислил уволенному в 1953 году «по сокращению штатов» Штерну. В свою очередь, Штерн – постоянный эпистолярный собеседник своего учителя, близкий и дорогой ему человек, которому можно рассказать самое сокровенное – не только о своих трудах, впечатлениях от выставок, встреч со знакомыми, о поездках, но и о тревоге за детей в годы войны, о внуке Мише, счастливо обретенном после смерти сына Сергея, о внучке Наташе, об умершей жене. «Как мне дорого то, что ты всегда откликаешься на мои воспоминания о Татьяне Николаевне; с кем мне и повспоминать о ней лучше, как с тобой»³⁷. Фонд Анциферова в ОР РНБ хранит 300 писем, адресованных Г. А. Штерну с 1933 по 1958 год, и их содержание существенно дополняет новыми подробностями событийную канву жизни ученого.

* * *

Переписка Анциферова – важный источник исторической информации, предоставляющий материал для реконструкции культурно-исторического процесса Советской России и места в нем дореволюционной интеллигенции. Судьбы ее представителей, переплетенные с жизнью Анциферова, формируют сложные узлы духовной взаимообусловленности, определившей характер мироощущения, гражданскую и нравственную позицию Н. П., что объясняет решение представить в предисловии с возможной полнотой биографии основных участников переписки и наиболее часто упоминаемых лиц.

Анциферов Павел (*Павлинька*, 1918–1919) – сын Анциферова. Родился 12 марта 1918 года, скончался от дизентерии 1 июля 1919 года. Похоронен на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

Анциферов Сергей Николаевич (*Светик*, 1921–1942) – сын Анциферова. Родился 15 февраля 1921 года. Жена И. М. Гревса Мария Сергеевна стала его крестной матерью. Перед войной – студент Театрального института в Ленинграде. Сергей скончался в блокадном Ленинграде от истощения и обострения туберкулеза 21 апреля 1942 года. Место захоронения неизвестно.

---

³⁷ Цит. по: Любимова М., Шумилова Т. Э. «Ты – мой друг, в котором я живу». Письма Н. П. Анциферова к Г. А. Штерну // Духовно-нравственное воспитание. 2017. № 4. С. 64.

Анциферова Екатерина Максимовна (урожд. Петрова, 1858–1933) – мать Анциферова. Пианистка³⁸, дочь тверского крестьянина, получила хорошее домашнее воспитание, музицировала, давала уроки музыки, что после смерти П. Г. Анциферова стало дополнительным источником средств осиротевшей семьи. Сестры Мария Максимовна и Екатерина Максимовна Петровы вышли замуж за молодых учителей, Анциферова и Дмитрия Семеновича Леванда, только что окончивших Лесной институт, и уехали с ними в Умань, где те получили места преподавателей в Училище земледелия и садоводства. Е. М. скончалась, не дожив несколько месяцев до возвращения сына из Белбалтлага в марте 1933 года.

Анциферова Наталия (*Наташа, Наташенька, Таточка*, 1915–1919) – дочь Анциферова. Родилась 20 февраля 1915 года, умерла от дизентерии 5 июля 1919 года. Похоронена на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

Анциферова Татьяна (в замужестве Камендровская; *Танюша*, 1924–2013) – дочь Анциферова, во время Второй мировой войны была угнана в Германию. В конце войны оказалась в Данциге, где встретила своего будущего мужа, Алексея Михайловича Камендровского, с 1928 года проживавшего в Германии, куда после революции бежали его родители, владельцы чайной фабрики в Пензенской губернии. Алексей пел до войны в знаменитом Донском казачьем хоре Сергея Жарова, в годы войны служил в хоре Берлинской киностудии. Чудесную весть о том, что дочь не погибла, Н. П. получил в 1944 году. В письме Штерну он сообщает: «Я вернулся из санатория и получил открытку из Киева от подруги моей Танюши с извещением, что моя дочь жива, но что ее разлучили с тетей Аней и угнали в Германию, где она была на изнурительных для ее слабого организма сельских работах, а потом была переведена в судомойки, что она мужественно переносит все испытания»³⁹. В 1946 году Алексей Камендровский восстановил связь с хором, и семья выехала в Нью-Йорк. 2 мая 1949 года у Татьяны и Алексея родился первенец, дочь Наташа. Радостное известие достигло России через Прагу, где проживал киевский друг Николая Павловича и Татьяны Оберучевой Николай Николаевич Дрейер (Ника Дрейер)⁴⁰. Татьяна Николаевна смогла через него наладить переписку с отцом, пересылать фотографии. Позже она переписывалась с Москвой уже напрямую и даже смогла несколько раз поговорить с отцом по телефону. В 1974 году Камендровская была приглашена на постоянную работу на радиостанции «Голос Америки», где до выхода на пенсию в 1991 году занимала должность диктора и инструктора по обучению начинающих коллег. Она скончалась 9 июля 2013 года в городке Дрезден в штате Мэн, где проводила лето с семьей дочери Натальи Алексеевны Лорд. Отпевал ее настоятель вашингтонского собора Св. Иоанна Крестителя протоиерей Виктор Потапов, в прошлом ее коллега по «Голосу Америки», личный друг и духовник. Похоронена на кладбище Ново-Дивеева монастыря в штате Нью-Йорк⁴¹.

Белокопытов Василий Николаевич (1867–1932) – педагог, дядя Вс. Н. Белокопытова, муж Лидии Карловны, в семье которого после смерти матери Елены Николаевны воспитывался Всеволод Белокопытов.

---

³⁸ Год рождения указан по анкете, автограф Н. П. СПФ АРАН. Разряд IV [1922 г.]. Оп. 9. Ед. хр. 1. Л. 353.

³⁹ Наст. изд. С. 499.

⁴⁰ *Дрейер* Николай Николаевич (1889–1975), друг киевских лет Т. Н. и Н. П. Анциферовых. С 1908 г. учился на агрономическом отделении Киевского политехнического института. В годы Первой мировой войны служил офицером. С 1920 г. оказался в эмиграции: сначала в Константинополе, затем в Праге, где работал воспитателем в русской школе. По словам Т. Н. Камендровской, «все его воспитанники в один голос восхищались им, его знаниями, умением понять психологию молодежи, прямоотой и честностью».хлопоты Дрейера о переводе попавшей в 1942 г. в Германию дочери Анциферова в пражскую гимназию не увенчались успехом. В 1950-х гг. через него установилась регулярная переписка Т. Н. Камендровской с отцом.

⁴¹ См. о ней воспоминания ее дочери и внучки Н. А. Лорд, Лизы Лорд, Л. С. Оболенской-Флам, С. Л. Голлербаха, М. Н. Соловьева, интервью с ней Валерия Сандлера в изд.: Вторые московские Анциферовские чтения: Сборник статей по материалам Международной конференции, посвященной 140-летию В. Д. Бонч-Бруевича / Сост., науч. ред. Д. С. Московская; отв. ред. Д. П. Бак. М.: ГЛМ; Три квадрата, 2014. С. 241–257.

Белокопытов Всеволод Николаевич (1889–1915) – сын Николая Николаевича и Елены Николаевны Белокопытовых, друг Анциферова. Их совместные путешествия в 1907 году в Крым, в 1911 году в Париж и Швейцарию описаны в мемуарах Н. П.⁴²

Белокопытов Николай Николаевич (ум. 1929) – отец Вс. Н. Белокопытова, выпускник Петровской сельскохозяйственной академии.

Белокопытова Лидия Карловна (1870 – не ранее 1950) – педагог, жена Василия Николаевича Белокопытова, брата Н. Н. Белокопытова. После смерти Елены Николаевны Белокопытовой в 1908 году взяла на воспитание ее осиротевших детей. После революции жила во Франции, по окончании Второй мировой войны вернулась в СССР; неоднократно упомянута в мемуарах Н. П. Анциферова.

Гарелина София Александровна (3 сентября 1898 – 1967) – вторая жена Анциферова. Ее отец – потомственный почетный гражданин города Иваново-Вознесенска, купец первой гильдии Александр Иванович Гарелин (1849–1915), мать – Мария Александровна Крестовникова (1861–1921). Гарелины – известный в Иваново купеческий род выходцев из крепостных крестьян, с первой половины XVIII века занимавшихся полотняным промыслом. София Александровна была правнучкой Н. М. Гарелина, племянник которого, Яков Петрович Гарелин (1820–1890), стал самым известным представителем этого рода. Городской глава Иваново-Вознесенска в 1877–1886 годах, он направил свои усилия на благоустройство города, озеленение и освещение улиц. При нем были открыты публичная библиотека, реальное и женское училища. Способствовал он и проведению железной дороги. Значительна и научная деятельность Я. П. Гарелина, являвшегося автором краеведческих очерков по истории Иваново-Вознесенска и книги «Город Иваново-Вознесенск или бывшее село Иваново и Вознесенский посад» (1885). Основанную им в Иваново библиотеку он пополнял своими книгами, число которых составило 1500 томов. В московский Румянцевский музей он передал собрание историко-юридических актов Суздальской земли XVII века, которые ныне составляют значительную часть коллекции НИОР РГБ. По матери София Александровна также происходила из семьи богатых фабрикантов. Брат Марии Александровны Григорий был женат на сестре Саввы Морозова, владел, в частности, одним из первых отечественных предприятий по производству станков и оборудования для текстильных фабрик – Московским товариществом механических изделий в Подольском уезде.

Детство Софии Александровны прошло в прекрасном особняке в стиле неоклассицизма с элементами модерна, построенном ее прадедом купцом Александром Алексеевичем Лепетовым. В 1903 году на средства ее родителей по проекту Ф. О. Шехтеля в византийском стиле была выстроена Спасская церковь, поражавшая современников изысканностью интерьеров: в главном храме и приделах были установлены двухъярусные иконостасы из белого мрамора с иконами, выполненными палехскими художниками. Стены и своды расписывали ученики московского Строгановского училища. В 1937 году храм был уничтожен.

София Александровна училась в Иваново-Вознесенской женской гимназии. Одной из постоянных жертвовательниц на гимназию была ее мать. В 1917 году она окончила восемь классов. Переехала в Москву, где была зачислена в слушательницы Московских высших женских курсов на историко-филологический факультет по специальности «Русская история», в 1919 году была переведена по той же специальности на факультет общественных наук в Московский государственный университет. С 1919 по 1922 год работала научной сотрудницей в Главмузее. В 1921 году поступила в Коммунистический университет им. Я. М. Свердлова, где до 1925 года состояла руководительницей культурно-исторических экскурсий. В эти годы она была участницей первого семинара историка и москвоведа Н. А. Гейнике, разработала экскурсию «Москва-посад» культурно-исторического цикла. На 1922 год приходится первая

---

⁴² Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 237–259.

встреча Софьи Александровны с Анциферовым: «Работали мы в тесном контакте с московской группой экскурсионистов – членами Института внешкольной работы. Мы устроили (преимущественно силами москвичей, в особенности А. Я. Закса) экскурсионную экспедицию в Северный край – в Вологду, Галич и по монастырям русской Фиваиды. (В дни этой замечательной поездки я познакомился с С. А. Гарелиной, моей будущей женой.)»⁴³ Анциферов ценил Гарелину как экскурсионистку, ссылаясь в своих трудах на ее научные работы⁴⁴.

Софья Александровна вместе с матерью проживала в квартире на Арбате по адресу: Б. Афанасьевский пер., д. 41, кв. 1, где после свадьбы, последовавшей 10 сентября 1934 года, поселился Н. П.

В 1930-х годах Гарелина служила в Пушкинском музее. В Великую Отечественную войну работала при конторе лесозаготовок. В 1944 году перешла в Музей МХАТа. В 1951 году ей предложили работу в архиве Станиславского, где она делала корректуру готовящейся к изданию переписки режиссера. Гарелина скончалась 10 декабря 1967 года от атеросклероза, похоронена на Ваганьковском кладбище Москвы⁴⁵.

Гревс Иван Михайлович (дядя Иван, *padre*, 1860–1941) – историк, медиевист, выдающийся педагог и организатор науки, краевед, основатель экскурсионного метода в преподавании истории. Творческие и личные контакты Гревса и Анциферова начались в 1909 году, когда Н. П. поступил на историко-филологическое отделение Санкт-Петербургского университета и избрал своей специальностью историю западноевропейского Средневековья. В этот год Гревс читал курс «Французское Средневековье» и специальный курс «Духовная культура конца Римской империи и раннего Средневековья». В 1909–1915 годах Анциферов учился в семинариях Гревса и так вспоминал об этих годах общения: «В студенческие годы Иван Михайлович стал тем учителем-другом, с которым связала меня навсегда сыновья любовь. Иван Михайлович стал моим *Padre*»⁴⁶. В Отделе рукописей РНБ хранится 21 письмо Гревса к Анциферову 1926–1941 годов. В их числе письмо от 24 сентября 1929 года с сообщением о последних днях и смерти Татьяны Николаевны, отправленное Анциферову в Кемь. Анциферов посвятил учителю специальную главу в своих воспоминаниях⁴⁷.

Гревс Екатерина Ивановна (1887–1942) – дочь И. М. и М. С. Гревс.

Гревс Мария Сергеевна (урожд. Зарудная; 1860–1941), жена И. М. Гревса.

Курбатова Наталия Ивановна (1880–1961) – художница, **Курбатова Татьяна Ивановна** (в замужестве Богданова, 1889–1970), **Курбатова Христина Ивановна** (1882–1963) – троюродные сестры Анциферова, описаны в его мемуарах⁴⁸.

Лозинская Татьяна Борисовна⁴⁹ (*Gratia*, урожд. Шапирова; 1885–1955) – историк и экскурсионист, росла в обеспеченной семье. Ее отец, Борис Михайлович Шапиров (1851–1915), будучи врачом, имел чин действительного статского советника (генерала), инспектировал КВЖД и районы Дальнего Востока. Мать – Софья Васильевна Семичева (?–1923) – женщина по характеру решительная и властная, вела дом, растила детей. Смерть Бориса Михайловича – свидетельство чувства ответственности за свое дело и особой совестливости. Не обязанный по службе и положению, он отправился на холерную эпидемию, вспыхнув-

⁴³ Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 400.

⁴⁴ См.: Анциферов Н. П. Теория и практика экскурсий по обществоведению (Л.: Сеятель, 1926. С. 37–39), где он ссылается на книгу С. А. Гарелиной «Москва-посад. Культурно-исторические экскурсии по Москве», под ред. Н. А. Гейнике.

⁴⁵ См.: Симонова О. А. «Судьба её была нелёгкой»: воссоздание биографии историка Софьи Александровны Гарелиной // Гуманитарная парадигма. 2019. № 4 (11). С. 7–17. <http://humparadigma.ru/art/2019/12/GP-11.pdf>.

⁴⁶ Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 165–166.

⁴⁷ Там же. С. 165–169.

⁴⁸ Там же. С. 94–135.

⁴⁹ Биография Лозинской и ее отношения с Анциферовым представлены здесь по публикации М. Б. Вербловской «Т. Б. Лозинская – друг Н. П. Анциферова» // Н. П. Анциферов. Филология прошлого и будущего... С. 371–377.

шую на Дальнем Востоке, заразился и умер. Татьяна Борисовна училась в гимназии Таганцевой и на историческом отделении Высших женских курсов (Бестужевских) в Санкт-Петербурге, а затем на историческом факультете Ленинградского государственного университета. Состоятельность родной семьи рассматривалась ею как возможность благотворительной деятельности: помощи бедным, покупки и дарения вещей и книг в детские и инвалидные дома. До революции Татьяна Борисовна преподавала историю в рабочих школах. После революции она вместе с Анциферовым и Гревсом была связана с работой Центрального бюро краеведения и Петроградского экскурсионного института. Став в 1911 году женой М. Л. Лозинского, кроме семейных и хозяйственных дел, а также экскурсионной деятельности взяла на себя работу литературного секретаря мужа. В активной причастности к труду мужа находили применение ее собственные знания и вкусы, ее увлеченность Данте, творчество которого она изучала в семинарии Гревса. В 1912 году, когда состоялось путешествие дантовского семинара по Италии, она, любимая ученица padre, как вспоминал Анциферов, «была в ожидании ребенка»⁵⁰. С середины 1920-х годов Лозинская работала с Н. П. в Центральном бюро краеведения. Летом 1928 года вместе с ним и Гревсом посетила «тургеневские места»: Тулу, Орел, Курск и Воронеж.

Когда начались гонения против краеведов и волна репрессий захватила близких ей людей, в том числе Анциферова, она ездила навещать их, хлопотала об освобождении. Сама Татьяна Борисовна была арестована в 1933 году ненадолго. Как сказал ей следователь по делу Николая Павловича Николай Робертович Стромин (1902–1938): «Вы, я вижу, очень добивались того, чтобы попасть к нам».

Как предмет постоянной трепетной заботы и участия в письмах Лозинской присутствуют Анциферов и все, кто с ним связан, а также живая память об их общем учителе, Иване Михайловиче Гревсе: «Николай Павлович по-прежнему не знает ничего ни о дочери, ни о сыне. Пушкин наш, и то, что он ничего не получает от них, ужасно. О Светике у меня тоже самые грустные мысли...»; «Получила телеграмму Николая Павловича о смерти Светика... Не могу не думать о нем без чувства отчаяния – слишком много горя для одного человека. Судьба как-то хочет добить его. Выдержит ли он». Она включила в круг своих забот и интересов не только Анциферова, но и его друзей, семью Штерн. Заботы Лозинской материализовались в череде посылок и денежных переводов. Она писала, что рассматривает мальчиков Штернов как «добавочных внуков», а себя просит именовать «почетной бабушкой».

Татьяны Борисовны не стало вскоре после смерти Михаила Леонидовича, их хоронили одновременно.

Оберучева Анна Николаевна (*тетя Аня, Анечка*, 1891–1992) – свояченица Анциферова, сестра Татьяны Николаевны Оберучевой. В 1902–1909 годах обучалась в Киевской женской гимназии Министерства народного просвещения (Ольгинской женской гимназии). В 1909–1910 годах продолжила учебу в восьмом педагогическом классе той же гимназии, в котором кроме общеобязательных предметов специально изучала математику для получения звания домашней наставницы по этому предмету. В 1910–1913 годах – слушательница электромеханического отделения Высших женских политехнических курсов. В декабре 1923 года была арестована и приговорена к пяти годам лишения свободы условно по обвинению в участии в Киевском областном «Центре действия» (это был один из первых громких процессов против украинской и русской интеллигенции, который проходил в Киеве). Как вспоминал свидетель, на процессе Анна заявила, что «стоит за демократию, за свободу слова и печати, что она против диктатуры и за полное равноправие. Она идеалистка и не может принять марксизма. Это говорила молодая девушка, курсистка, говорила четко и ясно. Она была больна и единственная из всех давала показания сидя, тихим, спокойным голосом. Тысячеголовая толпа замерла и жадно

---

⁵⁰ Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 280.

ловила каждое ее слово, которые произвели большое впечатление». В своих показаниях она резко высказывается против Советской власти: «А. Оберучева заявляет, что „советская власть должна эволюционироваться...“. Мое убеждение, что Коммунистическая партия сама придет к заключению о необходимости восстановления демократии. Вопр.: Считаете ли Вы конспиративную деятельность актом враждебным соввласти? Отв.: Да, считаю ее актом враждебным. Вопр.: Следовательно, вы являетесь врагом Советской власти? Отв.: Да»⁵¹.

После смерти своей сестры, ареста Анциферова в 1929 году и в годы его пребывания на каторге Анна взяла на себя ответственность за племянников и таким образом спасла их от детского дома. Когда началась Вторая мировая война и Пушкин был оккупирован немцами, Анну Николаевну и ее племянницу Татьяну Николаевну отправили в разные трудовые лагеря на территории, находившейся под немецким контролем. В 1946 году Анна Николаевна начала переписываться с племянницей, которая находилась в Соединенных Штатах. Сама она находилась в лагере для перемещенных лиц, и ей не разрешали уехать к племяннице из-за туберкулеза. В середине 1950-х годов она смогла воссоединиться с семьей Татьяны Николаевны в Нью-Йорке. Здесь она занялась образованием внучатой племянницы Наталии, обучала ее математике и русскому языку.

Оберучева Людмила Николаевна (*Мэка, Мэкуся*, в замужестве Добровольская, 1895–1932) – свояченица Анциферова, физиолог, младшая сестра Татьяны и Анны Оберучевых, в 1907–1914 годах обучалась в Киевской женской гимназии А. В. Жекулиной, окончила полный восьмиклассный курс по программе мужских гимназий с золотой медалью. В 1916–1918 годах училась в Петроградском женском медицинском институте. С 1920-х годов была замужем за врачом Е. Е. Добровольским. Жили в Киеве, потом в Харькове. Имела дочь Елену (Люлю), оказавшуюся с отцом в Германии во время войны. Людмила скончалась от туберкулеза.

Оберучева Татьяна Николаевна (*Таня*, 1889–1929) – дочь полковника Николая Михайловича Оберучева, среднее образование получила в Киевской женской гимназии Министерства народного просвещения (Ольгинской женской гимназии), которую окончила в 1908 году с серебряной медалью. Поступила в 1909 году на исторический факультет Санкт-Петербургских высших женских (Бестужевских) курсов, была подававшей большие надежды ученицей С. Ф. Платонова и А. И. Заозерского. Обучалась восемь семестров и окончила курс в 1913/14 учебном году по группе русской истории, соавтор нескольких работ Н. П. 5 февраля 1914 года состоялось венчание Татьяны Николаевны и Николая Павловича в Царском Селе. Скончалась от туберкулеза через полтора месяца после отправки мужа на Соловки, 23 сентября 1929 года. Похоронена на Смоленском кладбище Санкт-Петербурга.

Фортунов Александр Алексеевич (*Саня*, 1884–1949) – сын Алексея Федоровича Фортунатова, окончил 1-ю Киевскую гимназию, обучался на историко-филологическом факультете Московского университета, являлся учеником историка-медиевиста Д. М. Петрушевского. Преподавал в Московском университете, Народном университете им. А. Л. Шанявского вплоть до его закрытия в 1920 году. В 1919–1925 годах работал с С. Т. Щацким в 1-й опытной станции по народному образованию при Наркомпросе, заведовал внешкольным отделением, с 1934 года – в Центральной педагогической экспериментальной лаборатории (ЦПЭЛ) Наркомпроса. Автор многочисленных методик преподавания истории в школе. В 1923–1929 годах работал научным сотрудником в Институте истории при РАНИОН. Заведовал кафедрой Средних веков, являлся деканом исторического факультета Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. Был женат на Елене Яковлевне Казии-

⁵¹ Цит. по: Пашко О. Студент-филолог в Советской Украине 1920-х гг. (на материале записных книжек Соломона Рейсера). Эл. ресурс: https://www.apgads.lv/fileadmin/user_upload/lu_portal/apgads/PDF/Rusistica_Latviensis/08_Rusistics-8_2019_O-Pasko_01.pdf.

мировой, авторе многочисленных учебников и пособий для начальной школы. Имел двух сыновей, Георгия и Юрия⁵².

Фортунов Алексей Федорович (1856–1925) – профессор сельскохозяйственной экономики, статистики, экономической географии, политической экономии, общественной агрономии; педагог. В 16-летнем возрасте познакомился с произведениями Людвиг Фейербаха, которого он не только конспектировал, но и частично перевел на русский язык и увлечение которым, наряду с творчеством А. И. Герцена, пронес через всю жизнь. В 1874 году поступил в Московский университет на историко-филологический факультет, одновременно посещал курсы и на медицинском факультете. На первом курсе Фортунов прочитал и тщательно законспектировал первый том «Капитала» Карла Маркса. При первичной обработке фонда № 492 (ГИМ) оказалось, что Фортунов не только сделал первый перевод на русский язык послесловия к немецкому изданию «Капитала» 1872 года, но стал автором первой в России биографии Карла Маркса, напечатанной анонимно в «Московском телеграфе» в 1883 году. После второго курса под влиянием народнических идей решил посвятить себя медицине и поступил в Медико-хирургическую академию и посещал курсы П. Ф. Лесгафта. На старших курсах большое влияние на него оказали лекции С. П. Боткина. В годы жизни в Санкт-Петербурге Фортунов был близок к чернопередельцам, тесно общался с братьями Игнатовыми, Верой Засулич и Г. В. Плехановым. Не окончив курса, решил идти в народ – «осесть на земле» и поступил в Петровскую академию, где изучал сельскохозяйственную статистику. В 1884–1894 годах преподавал в Петровской академии. После закрытия академии в 1894 году в числе «крамольных профессоров» был уволен за штат и принял приглашение В. В. Докучаева, директора Ново-Александровского института сельского хозяйства и лесоводства, занять должность профессора сельскохозяйственной экономии и статистики. В 1899 году перевелся в Киевский политехнический институт, в 1902 году вернулся в Москву. Период с 1902 по 1915 год стал временем расцвета преподавательской деятельности А. Ф., когда он одновременно преподавал в пяти московских высших школах и на многочисленных курсах.

Фортунов Григорий Алексеевич (*Гриша, Гриня, Мут*, 1891–1976) – сын Алексея Федоровича Фортунова, окончил Московский университет историко-филологический факультет (1909–1916) по специальностям психология, русский язык и литература. Кандидат педагогических наук, доцент. Преподавал во 2-м Московском государственном университете на педагогическом факультете (1924–1930), в Московском областном педагогическом институте (1931–1941), Высшем коммунистическом институте просвещения (1934–1935), Московском городском педагогическом институте им. В. П. Потёмкина (1932/3–?), Институте психологии Московского государственного университета им. Ломоносова (1942–1943). Был женат на Марии Александровне Георгиевской, детей в семье не было.

Фортунов Константин Алексеевич (*Костя*, 1882–1915) – старший сын Алексея Федоровича Фортунова, после переезда в Киев держал выпускные экзамены на аттестат зрелости при 1-й Киевской гимназии. В 1900 году поступил на физико-математический факультет Киевского университета, одновременно занимался в химической лаборатории, после переезда семьи в Петровско-Разумовское перевелся на второй курс естественного факультета Московского университета. В 1905 году примкнул к Всероссийскому крестьянскому союзу, ездил пропагандистом в Тамбовскую область – агитировать за кандидатов Союза. Принимал участие в декабрьских событиях 1905 года, после окончания университета был арестован и выслан из Москвы. Отказавшись от научной карьеры, работал в селе Абрамовском Калужской губернии земским врачом, для чего получил диплом медика. В Абрамовское семья приехала 1–2 мая 1913 года. Почти сразу же, благодаря усилиям К. А., началось строительство больницы, он сам

⁵² См. о нем также: *Иванова Т. Н., Агеева Н. Н.* Фортунов как исследователь Каролингского Возрождения // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 159. Кн. 4. С. 884–896.

занился ежедневной врачебной деятельностью с выездами к больным в окрестные деревни. Кроме того, основал сельскохозяйственный кооператив и занимался культурным просвещением крестьян. В начале Первой мировой войны был мобилизован и назначен врачом военно-полевого госпиталя. В 1915 году, отступая вместе с армией генерала Самсонова, заразился брюшным тифом, умер и был похоронен в братской могиле города Гольдапа (Восточная Пруссия). Был женат на Вере Михайловне (урожд. Золотаревой). После его смерти остались две дочери – Вера (детское прозвище *Арочка*) и Ольга – и сын Игорь (детское прозвище *Кирок*)⁵³. Судьба К. А. и его счастливый брак описаны в мемуарах Анциферова⁵⁴.

Фортунов Михаил Алексеевич (*Миша*, 1899–1984) – последний, восьмой ребенок в семье А. Ф. Фортунатова, гидролог, лимнолог-ихтиолог. В 1933 году был арестован и осужден на 10 лет по так называемому делу «Автономная Камчатка», освобожден в 1945 году, полностью реабилитирован в 1957 году. В 1946 году был назначен заведующим лабораторией ихтиологии Аральской научной рыбохозяйственной станции ВНИРО, в 1951-м сослан в Богучанский район Красноярского края. После освобождения в 1956 году он поступил младшим научным сотрудником на биологическую станцию «Борок» под Рыбинском. В 1961 году М. А. была присуждена степень доктора биологических наук⁵⁵.

Фортунов Федор Алексеевич (*Федя*, 1888–1965) – сын Алексея Федоровича Фортунатова, окончил юридический факультет Московского государственного университета (1907–1912). В 1910–1913 годах занимался историей культуры и историей искусства на историко-филологическом факультете МГУ в качестве вольного слушателя. Учился на вокальном отделении музыкально-вокальных курсов Малинина (1909–1912). Обучался сценическому искусству по режиссерской специальности в Первой студии Московского художественного театра в 1913–1916 годах под руководством К. С. Станиславского, где преподавателем по практике сценического искусства был Е. Б. Вахтангов. В 1916–1921 годах посещал занятия по сценическому искусству, проводившиеся К. С. Станиславским. В 1916–1918 годах был вольнослушателем на архитектурном отделении Строгановского художественно-промышленного училища, получил специальность архитектора-проектировщика. С 1916 года занимался созданием Музея Первой мировой войны. После революции был преподавателем истории культуры в Опытном-показательной школе им. Карла Маркса, тот же курс он читал и в составе 2-го МГУ. В 1921 году организовал театральный техникум в системе МОНО (позднее – Художественное училище им. 1905 года), в этой же системе работал инспектором по художественному образованию. Работал режиссером «районных спектаклей», воспитывая своих питомцев по системе Станиславского. Женат был на Любви Ивановне Дмитриевой, а в конце 1920-х развелся и вновь женился – на Ирине Николаевне Теплых, своей ученице по театральному техникуму. В 1937–1938 годах – руководитель методического кабинета Московского областного управления по делам искусств. Позднее – преподаватель техникума им. Глазунова. Описан в мемуарах Анциферова⁵⁶.

Фортунов Юрий Александрович (1911–1998) – сын Александра Алексеевича Фортунатова, музыковед, композитор, педагог. Служил в музвзводе Ташкентского пехотного училища, с 1941 года военный капельмейстер. В 1944 году возвратился в Москву.

Фортунова Александра Александровна (урожд. Данилович, 1853–1916) – жена А. Ф. Фортунатова, библиотекарь, училась на медицинских курсах в Петербурге.

⁵³ Трифонов С. Земской доктор Константин Алексеевич Фортунов // Боровск – сердце мое. 2018. 20 марта. № 3 (10). С. 3.

⁵⁴ Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 421.

⁵⁵ Агеева Н. Н. Михаил Алексеевич Фортунов: штрихи к биографии // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики. Чебоксары, 2019. С. 105–107.

⁵⁶ Анциферов Н. П. Из дум о былом. С. 56–63.

Фортулатова Вера Михайловна (урожд. Золотарева, 1883–1981) – жена К. А. Фортулатова, родилась в семье художника Михаила Михайловича Золотарева, закончила с золотой медалью Московскую женскую гимназию на Страстном бульваре. В 1908 году, после свадьбы, избрала специальность врача и вслед за мужем переехала в Петербург, где в 1911 году окончила Высшие женские медицинские курсы. В 1930-х годах ее неоднократно арестовывали. В 1933–1953 годах она отбывала ссылки в Казахстане, Горьком, Александрове.

Фортулатова Мария Александровна (урожд. Георгиевская) – жена Г. А. Фортулатова, семья была бездетной.

Фортулатова Мария Алексеевна (*Маня*, 1894–1918) – дочь А. Ф. Фортулатова, студентка Высших женских сельскохозяйственных курсов. Умерла от туберкулеза в Симеизе. Описана в мемуарах Анциферова⁵⁷.

Штерн Георгий Александрович (*Гога, Гогус, Гогушка*, 1905–1982) – познакомился с Анциферовым осенью 1919 года в Тенишевском училище, когда учился здесь в четвертом классе. После окончания училища в 1922 году поступил в Ленинградский университет, специализируясь как историк-медиевист. Его учителями были Гревс и О. А. Добиаш-Рожественская, под руководством которой была подготовлена и опубликована единственная научная работа Штерна: «Портоланы XVI века в Российской Публичной Библиотеке»⁵⁸. Прослушав в 1924 году семинар по экскурсионной работе под руководством Анциферова и Я. А. Влядих, с 1926 года Штерн начал работать в Экскурсионной лекторской базе Политпросвета. Штерн стал не только учеником и последователем Анциферова, но и другом его семьи. После ареста учителя 23 апреля 1929 года он собирал деньги для больной Татьяны Николаевны и для передачи в тюрьму. Это послужило затем одним из пунктов обвинения самого Штерна. Он был вначале арестован по так называемому делу «вредительской группы „Просвещенцы“»⁵⁹. Первый ордер на его арест и производство обыска выписан 17 июля 1930 года, но Г. А. не оказалось дома. Повторно ордер был оформлен 3 сентября 1930 года на производство ареста в здании Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе, куда Штерн был вызван к следователю для дачи показаний. 1 ноября 1930 года на допросе он сообщил: «Будучи предупрежден об ответственности за дачу ложных показаний, по существу дела показываю. По своим политическим взглядам я во многом согласен с политическими взглядами Анциферова. Что же касается политики Советской власти по отношению к интеллигенции, то я не согласен с тем, что Советская власть не доверяет интеллигенции, что не предоставляется свобода слова и печати, а также не согласен с репрессиями Советской власти, в частности с расстрелами и т. п. Относительно сбора средств во время ареста Анциферова в помощь его семье, то я признаю, что я был первым, который поднял вопрос об этом, что я собирал среди сотрудников ЦБК пожертвования и собранные мною деньги я сам относил семье Анциферова, а то на эти средства устраивал Анциферову передачи»⁶⁰.

6 января 1931 года прошли аресты по делу Центрального бюро краеведения. 31 января 1931 года доставлен из Кеми Анциферов. 14 февраля 1931 года следователь Шондыш постановил привлечь Штерна по второму следственному делу, так как в нем «имеется материал, изобличающий его же в контрреволюционной деятельности». В деле постоянно упоминается фамилия Штерна как находившегося «всецело под влиянием Анциферова и воспринявшего его идеи», а также как человека, активно помогавшего собирать средства для семьи аресто-

⁵⁷ Там же. С. 72.

⁵⁸ Средневековье в рукописях Публичной библиотеки / Под ред. О. А. Добиаш-Рожественской. Л., 1925. Вып. 1. С. 78–93. Книга с дарственной надписью сохранилась в домашней библиотеке Штернов.

⁵⁹ Архивно-следственное дело П-75789 (Архив Центра «Возвращенные имена» при РНБ). По делу проходили 15 человек.

⁶⁰ Архивно-следственное дело П-42952. По делу привлечены 28 человек. Основные обвинения выдвигались против Анциферова и Я. А. Вейнерт-Влядих; от всех арестованных требовались показания об их контрреволюционной вредительской деятельности.

ванного. Уже в рамках этого дела Георгий Штерн был снова допрошен 20 мая 1931 года. Протокол этого допроса краток: «В Экскурсбазе Политпросвета я начал работать с 1926 года, но в 1924 году я прослушивал семи<нарий> под руководством Влядих и Анциферова. Экскурсии я водил по быв<шему> больш<ому> Екатерининскому дворцу в Детском Селе. Я признаю, что в своих экскурсиях я делал упор на искусствоведческий момент. Занятия семинар<ия> происходили или в быв<шем> дворце Па<лей>, или в Дворце труда. Иногда ряд экскурсоводов собирались на кв<арти>ре Анциферова за дополнительными указаниями по методике экскурсий. Кроме того, иногда бывал на кв<арти>ре у Влядих, где также собирались экскурсоводы для заслушивания докладов по вопросам экскурсионного дела. Методические указания, которые давались со стороны руководителей Влядих, Анциферова, я принимал и проводил в своей экскурсионной работе».

В тот же день, 20 мая 1931 года, Особым совещанием при Коллегии ОГПУ Штерн был осужден по делу «просвещенцев» на три года. Этот арест и годы, проведенные в Ухтпечлаге, навсегда изменили жизнь Штерна – больше, чем других его «однодельцев». Он стал профессиональным геологом и только под конец жизни смог вернуться в Ленинград.

* * *

Настоящее издание представляет первый опыт публикации эпистолярия Николая Анциферова, охватившей лишь небольшую часть всего выявленного в архивохранилищах Москвы и Санкт-Петербурга объема переписки. Письма печатаются по архивным первоисточникам, расположены в хронологическом порядке. Датировка писем и место написания восстанавливаются по авторским указаниям, в случае их отсутствия в тексте письма – по штампам на конверте или открытке; в случае отсутствия данных устанавливаются по содержанию и даются в угловых скобках. Авторская подпись считается частью письма. Все тексты писем печатаются по современной орфографии и пунктуации, с максимальным сохранением авторской манеры. Недописанные и сокращенные слова в ряде случаев для облегчения понимания восстанавливаются без специальной маркировки. Самое большое число сокращений, вызванных цензурными соображениями, приходится на письма из заключения. Не раскрываются сокращения, являющиеся частью эпистолярной манеры автора, общеупотребительные сокращения или аббревиатуры, характерные для социальных диалектов времени (т. е. – то есть, т. д. – так далее, ж. д. – железная дорога / железнодорожный, Л-д – Ленинград, Ин-т – Институт, Пушкидом – Пушкинский Дом АН СССР, к-р – контрреволюционер, адмтехперсонал – административно-технический персонал, квра – культурно-воспитательная работа в лагерях, з/к – заключенный и др.). В письмах сохранены авторские варианты написания имен собственных, неточности при цитировании, ошибки в названиях (Е. Р. Гюбенет вместо правильного Е. Р. Гюббенет, «Воспоминания Мейзенбург» вместо «Воспоминания Мейзенбуг», «Давид Коперфильд» вместо «Дэвид Копперфилд», Алквист вместо Алкснис и проч.), правильное современное написание дается в комментариях. Редакторские примечания текстологического характера даются в тексте письма в угловых скобках. При публикации восстанавливается последний слой авторской правки. Авторские подчеркивания в тексте сохраняются. Комментарии к письмам даются постранично и не включают справок на шифр архивного первоисточника, за исключением отдельных писем, источники которых сообщаются в постраничном комментарии. Источники многочисленных цитат из произведений А. И. Герцена устанавливаются по научному собранию сочинений писателя в 30 томах (М.: Издательство Академии наук СССР. 1954–1965), кроме тех случаев, где, как указывает переписка, источником послужило издание: *Герцен А. И.* Полное собрание сочинений и писем: В 22 т. / Под ред. М. К. Лемке. Пг.: Лит. изд. отд. Наркомата по просвещению, 1919–1925. Библиографическое описание часто цитируемых источников представлено в постраничных примечаниях в сокращенном виде

(например, Анциферов 1992). Полные сведения представлены в разделе «Печатные источники» настоящего издания. Предметом комментирования является широкий контекст переписки, литературные аллюзии и реминисценции, социально-политические, биографические и прочие реалии.

Настоящее издание не могло осуществиться без объединенных усилий целого ряда исследователей, взявших на себя труд выявления, набора и предпечатной подготовки писем Анциферова: сотрудника письменных источников Государственного исторического музея Николая Константиновича Миско, библиотекаря ОР РНБ Леонида Николаевича Сухорукова, ведущего научного сотрудника ОР РНБ Ирины Борисовны Вагановой.

Благодарим ученых-специалистов, оказавших помощь в подготовке комментария к разнообразным – культурным, политическим, биографическим – реалиям эпистолярия Анциферова: ведущего научного сотрудника ОР РНБ Марину Юрьевну Любимову, представившую для публикации письма Н. П. к Т. Б. Лозинской, главных библиографов информационно-библиографического отдела РНБ Татьяну Эдуардовну Шумилову, которая восстановила биографию Г. А. Штерна и членов его семьи, подготовила комментарии к переписке с ним Анциферова и оказывала существенную помощь в подготовке реального комментария к другим блокам публикуемого эпистолярия, и Анатолия Яковлевича Разумова, привлечшего к комментарию материалы следственного дела Анциферова 1929–1931 годов. Благодарим профессора русской культуры в Университете Оклахомы (США), специалиста по истории и литературному наследию ГУЛАГа Эмили Д. Джонсон и действительного члена Русского географического общества (Приморское краевое отделение Общества изучения Амурского края) Антона Юрьевича Шпака, взявших на себя труд по комментированию реалий лагерной переписки Анциферова с С. А. Гарелиной. Сердечная благодарность Олегу Михайловичу Карамышеву, представившему новые архивные данные к биографиям сестер Оберучевых.

Выражаем глубокую признательность сотрудникам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, хранителям фонда Николая Павловича Анциферова и руководителю этого архивного подразделения Алексею Ивановичу Алексееву, сотрудникам Отдела рукописей Государственного исторического музея и лично Ирине Владимировне Сурковой, составившей научную опись этого фонда.

Наша сердечная благодарность родным и друзьям Николая Павловича Анциферова – его внукам Наталии Алексеевне Лорд и Михаилу Сергеевичу Анциферову, внучке Константина Алексеевича Фортунатова, дочери Игоря Константиновича Нине Игоревне Фортунатовой, пятиюродной сестре М. С. Анциферова по Николаю Ивановичу Курбатову, родному брату «трех сестер» Курбатовых, Ольге Леонидовне Курбатовой, супруге С. М. Лозинского Ирине Витальевне Платоновой – за предоставление сведений о круге друзей и знакомых Анциферова, биографических данных о своих родственниках и уникальных документов из личных архивов.

Мы глубоко признательны Борису Евгеньевичу Степанову, одному из первых публикаторов и комментаторов наследия Н. П. Анциферова, за ценные замечания и уточнения, высказанные в ходе подготовки настоящего издания.

Наша особая благодарность Ивану Никитичу Толстому, Любови Степановне Украинской, сотрудникам ИМЛИ РАН Марине Альбиновне Ариас-Вихиль, Ольге Алимовне Богдановой, Марии Федоровне Надьярных, Марии Равильевне Ненароковой, Елене Аркадьевне Тахо-Годи, Дарье Дмитриевне Савиновой и участникам многолетних международных московских Анциферовских чтений, внесшим неоценимый вклад в уточнение биографического и историко-литературного контекста творчества Н. П. Анциферова.

Дарья Московская

1900–1920-е годы

Письма Фортунатовым ⁶¹

28 октября 1902 г. Киев

Милый Гриня!

Как ты поживаешь? Как твоё здоровье? Весело ли тебе? Как вы устроились? Без вас нам очень скучно. С кем ты познакомился? Я недавно был на «Игоре»⁶², мне очень понравилось. Моя лазоревка утонула в питейке*, она, верно, поскользнулась, упала, а так как там повернуться негде, то она не могла вылезть. Под конец она была настолько ручная, что летала за мной и мамой по комнате. Теперь у меня есть другая лазоревка, но уже с хвостом; потом еще: чечетка, снегирь и зяблик. Зяблик и чечетка всегда спят рядом и вообще очень дружны, а снегирь, которого я купил на Подоле за 5 копеек, очень скучает, и хочу в это воскресенье купить другого⁶³. Играешь ли ты в рыцари, мы играем постоянно в меченосцев. Я себе сделал большой замок и 2 отряда – одни синие, другие красные. Король Александр убит, а на его место выбран старик 60 лет⁶⁴. Привет Маме, Папе, Феде, Косте и Мане.

Твой Николай Анциферов.

* В той самой, что мы с Тобой купили у Ахиллеса. Шлю Мане перо снегиря. У Вовы⁶⁵ сдох соловушка, извини, что я письмо так задержал.

25 октября 1910 г. Санкт-Петербург

Дорогой Алексей Федорович!

Очень благодарен Вам за присланную Вашу статью и анкету⁶⁶. Я думаю, что выяснение вопроса о призвании будет иметь значение для реформы университета. Если Вас не затруднит, будьте добры поручить Вере Михайловне⁶⁷ привезти мне 100 анкет. Я разговаривал по поводу

---

⁶¹ Печатается по первоисточникам: ГИМ 98324. ОПИ. Ф. 492.

⁶² «Игорь» – «Князь Игорь», опера А. П. Бородина в четырех действиях с прологом; либретто композитора на основе сценария В. Стасова по «Слову о полку Игореве»; закончена Н. Римским-Корсаковым и А. Глазуновым. Премьера состоялась 23 октября 1890 г. в петербургском Мариинском театре.

⁶³ Летние месяцы 1902–1903 гг., которые Анциферов провел на даче в Мотовиловке под Киевом, были временем страстного увлечения орнитологией, коллекционирования бабочек, птичьих яиц, птичьих перьев (Анциферов 1992. С. 421).

⁶⁴ В 1900 г., увлекшись историческими романами В. Скотта и историческими хрониками В. Шекспира, Анциферов, а затем и его друзья начали рисовать рыцарей, придумывать им биографии и наконец перешли к вырезанию фигурок и созданию объемных картин из рыцарской жизни (Анциферов 1992. С. 62, 76–81).

⁶⁵ Вова – Всеволод Николаевич Белокопытов.

⁶⁶ Речь идет об анкете «О призвании» (1910) (см.: НИОР РГБ. Ф. 377. Карт. 6. Ед. хр. 30. 2 л.). Анкетирование студентов было задумано Фортунатовым с целью выявить их точку зрения на цели высшего образования.

⁶⁷ Вера Михайловна Фортунатова – супруга К. И. Фортунатова, с 1909 г. снимала комнату в квартире Анциферовых в Петербурге (Ляхтинская, д. 9).

ее с товарищами, и мы беремся ее распространить. Мне кажется, что помимо статистических данных в данной анкете очень важно, что и как ответят. Поэтому я думаю, что 100 ответов петербургских студентов и курсисток не помешает подведению итогов, т. к. они будут обозначены как петербургские. Насколько я понял, эта анкета предпринимается только в Москве.

Между прочим, студент Гизетти⁶⁸ устроил кружок с целью детального изучения Эрмитажа с целью руководить экскурсиями для рабочих.

Нас пока 8 человек. Мы пригласили нескольких профессоров помочь нам разобраться в историческом материале. Начали с Египетского зала.

Оберучевой в воскресной школе сказали, что там уже давно мечтают об подобных экскурсиях. Этот Гизетти – сын Вашего знакомого. У него в комнате висит та же группа⁶⁹, что у Вас.

Всего хорошего. Мама и я шлем всем Вам привет.

Коля А.

29 июня 1913 г. Молде, Норвегия

Дорогой Алексей Федорович!

Очень благодарю Вас за пересылку писем и еще раз извиняюсь за свою дерзкую просьбу.

Беспокоит очень меня просьба о телеграмме. Боюсь, что я попросил Вас переслать Танину телеграмму⁷⁰, если таковая придет, и больше не сказал ничего. Если так, очень, очень извиняюсь перед Вами. Таня должна была телеграфировать Вам только в том случае, если я не пришлю ей телеграмму из Норвегии с обозначением адреса, т. к. мы не хотели напрасно беспокоить Вас. Не помню также, передал ли я Вам извинения Тани за то, что она забыла лично попросить Вас об этой большой услуге. Теперь телеграмма от Тани получена. Я хотел известить Вас телеграммой, но мы с Гришей решили лучше известить заказным письмом, т. к. телеграмма из Норвегии могла бы взволновать Вас.

Мы сейчас в Молде. Спешим поселиться на берегу океана. Гриша посетил Лергровик и с грустью обнаружил большие перемены. Эти десять дней провели в Флатмарке и с печалью расстались с ним⁷¹.

Между прочим, Фрекен Анна (горничная из Флатмарка)⁷² нашла, что Гриша за эти пять лет очень помолодел. Действительно, Гриша имеет очень бодрый вид и проявляет большую энергию. С Фрекен Анной, которая знает несколько русскую литературу, мы вели частые беседы. С грустью узнала она, что люди 60-х и 70-х годов больше не являются типичными для

---

⁶⁸ *Гизетти* Александр Алексеевич (1888–1938?) – литератор и общественный деятель, однокашник Анциферова по историко-филологическому факультету Петербургского университета, организатор студенческого «кружка по внешкольному просвещению» (Эрмитажного). В письме упоминается отец Гизетти – Гизетти ди Капофьерри Алексей Викторович (1850–1914), экономист и историк, с которым А. Ф. Фортунатов был знаком (см. письма Фортунатова к Гизетти: НИОР РГБ. Карт. 2. Ед. хр. 32. 34 л.). Мать А. А. Гизетти, Н. Д. Бекарюкова, была двоюродной сестрой И. М. Гревса и родной сестрой Е. Д. Лаппо-Данилевской (урожд. Бекарюковой), жены историка А. С. Лаппо-Данилевского (Анциферов 1992. С. 436). Воспоминания об Эрмитажном кружке вошли отдельной главой в мемуары (Там же. С. 202–216).

⁶⁹ Речь идет о групповой фотографии.

⁷⁰ *Таня* – Татьяна Николаевна Оберучева. 25 марта 1912 г., на Пасху, Татьяна Оберучева и Анциферов обручились. Летом 1913 г. Анциферов с Григорием Фортунатовым во второй раз посетили Норвегию.

⁷¹ *Молде* – туристический центр в Норвегии на северном берегу Румсдалсфьорда. *Лергровик* – небольшая деревушка на берегу океана недалеко от Молде, где в свой первый приезд в Норвегию поселился Анциферов. *Флатмарк* – постоянный двор в долине реки Реумы. Пребывание в этих местах в 1908 и 1913 гг. описано в мемуарах (Анциферов 1992. С. 217–236).

⁷² *Фрекен Анна* – горничная на вилле Шиллер, в Швейцарии, ей посвящена отдельная глава мемуаров (Анциферов 1992. С. 333–336).

русских. Вчера Гриша прочел в норвежской газете об объявлении войны Болгарией⁷³. Надеюсь все же еще, что это просто незнание норвежского языка заставило его сделать такой вывод из прочитанного. Все же эти 2 дня я нахожусь в большом волнении и не могу ничего узнать толком. Совершенно перестали попадаться норвежцы, говорящие по-немецки.

Привет Александре Александровне и Мише.

Надеюсь, что когда-нибудь удастся попутешествовать и с ним.

Всего хорошего,

Ваш Н. Анциферов.

Р. S. Извините, что пишу карандашом. Чернил не достал. С 30-го июля мой адрес: Петербург, Петербургская сторона, Большая Спасская, д. 9-bis, 16 кв. До этого определенного не будет.

11 февраля 1914 г. Санкт-Петербург

Дорогие Александра Александровна и Алексей Федорович!

Спасибо за сердечный привет.

Ужасно жалко, что не удастся заехать в Москву повидаться с Вами. Слишком задержались мы в Петербурге. Как грустно было не видеть рядом с собою Мута.

Привет всем вам.

Ваш Коля.

И мой сердечный привет и благодарность: Александре Александровне и Алексею Федоровичу.

Ваша Т. Анциферова⁷⁴.

14 июля 1914 г. Бруннен, Швейцария

Дорогой Алексей Федорович!

Очень соскучился обо всех Вас, и захотелось написать несколько слов. Вас, конечно, моя открытка застанет в Петровском. Наше путешествие кончилось. Послезавтра через Нюрнберг и Дрезден возвращаемся в Россию. Очень сильно тянет домой. Будем жить в Алферове у Таниной тети. В Лозанне был два раза у Натальи Александровны Герцен⁷⁵. Узнал от нее, что неизданная часть «Былого и Дум» будет через год издана. Те выдержки, которые Вы мне как-то показывали, не из этой части. Очень много интересного она мне рассказала. До какой степени она еще полна жизни и как похожа на отца! Привет всем Вашим от нас. Где Гриша? М.б., напишете в Алферово. Ст. Ярцево, Л. Г. Гессель. Имение Алферово.

Всего светлого,

---

⁷³ 29 июня 1913 г. в 3 часа утра болгарские войска перешли в наступление на македонском участке границы. Боевые действия закончились спустя месяц, но стали прологом Первой мировой войны (Котов Б. С. Межсоюзническая война лета 1913 г. в восприятии русского общества (по материалам прессы) // Новая и новейшая история. 2015. № 3. С. 101–112).

⁷⁴ Открытка молодоженов, адресованная А. Ф. Фортунатову в преддверии свадебного путешествия по Европе.

⁷⁵ Посещение Натальи Александровны Герцен, старшей дочери А. И. Герцена, Таты (1844–1936), в 1914 г. описано в мемуарах (Анциферов 1992. С. 445).

Ваш Коля.

28 июля 1914 г. Ярцево

Дорогой Алексей Федорович!

Со стыдом вспомнил, что не поблагодарил Вас за «Вирши», которыми я был очень тронут.

Будьте так добры, известите, где Гриша. Совсем потерял его из виду.

Может быть, скоро увидимся в Москве.

А может быть, мне суждено другое: ратником ополчения второго разряда отправиться на защиту Киева⁷⁶.

Сердечный привет Вам и всем Вашим от меня и Тани.

Ваш Н. Анциферов.

19 октября 1915 г. Москва

Дорогой мой Гриша!

До чего мне грустно, что я не был с тобой.

Если бы ты раньше известил меня, я приехал бы к вам, несмотря на государственные экзамены. Уж очень я ждал этого дня.

Все старался себе представить вас и вспомнил то светлое чувство, трепетное и величавое, которое пережил 5-го февраля⁷⁷.

Что ж делать, нам не удалось быть вместе эти дни.

Ну, крепко, крепко целую вас обоих – тебя в уста, Марию Александровну⁷⁸ в руку.

Может быть, мне удастся побывать вскоре в Москве. Как хочется увидеть всех вас. Побывать в вашей семье, такой родной.

У меня осталось всего два экзамена. Шесть прошло хорошо. Если и эти пройдут благополучно, И. М. Гревс предложит меня к оставлению.

Наташа⁷⁹ начала ласкаться, прелесть, и ходить, держась за перила кровати.

Мама и Таня приветствуют и поздравляют.

---

⁷⁶ С началом Первой мировой войны указами Сената было объявлено о призыве на действительную службу ратников ополчения – всего мужского населения от призывного возраста до 43 лет включительно, способного носить оружие и не числящегося в составе постоянной армии. Первый разряд ратников (воинские чины, отбывшие общие сроки службы в постоянных войсках, и лица, признанные физически годными к службе, но не служившие) был призван 18 (31 июля) и 21 июля (3 августа) 1914 г. К ратникам второго разряда относились лица, физически негодные для службы, но способные носить оружие, и лица, имеющие льготы по семейному положению. Манифест о созыве ополчения ратников второго разряда был подписан 31 августа 1915 г., призыв начался 5 (18) сентября 1915 г. В личном деле Анциферова хранится датированное 18 апреля 1919 г. ходатайство Школьного совета Тенишевского училища об освобождении его от военной службы (ЦГА СПб. Ф. 2811. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 10). В автобиографии из личного дела члена Союза советских писателей Анциферов уточняет: «По окончании университета в 1915 году был оставлен при университете для подготовки к профессуре (ввиду чего был освобожден от воинской повинности)» (Плотников К. И. К биографии Н. П. Анциферова (по материалам личного дела из архива Союза советских писателей) // АЧ-3. С. 246).

⁷⁷ День венчания Анциферова и Татьяны Оберучевой.

⁷⁸ Мария Александровна Фортунатова – жена Г. А. Фортунатова.

⁷⁹ Наташа – дочь Анциферова.

Зинко⁸⁰ просит передать тебе свое удовольствие по поводу твоей свадьбы. Привет всем вашим.

Твой друг Коля.

8 апреля 1916 г. Москва

Дорогой мой, родной! Какое ужасное, безнадежное письмо⁸¹

Давно уже не было вестей от вас, и вот теперь это письмо. В чем ты, все вы найдете силы – и все тоже найдут. Когда сможешь, напиши мне обо всех Фортунатовых, а особенно о дорогом Алексее Федоровиче. Я не смогу приехать к вам. Много работы набрал и вот на Пасху не отдохну, да и кончается-то она быстро. Со среды занят в попечительстве и на службе⁸² и в библиотеке⁸³. Я очень устал. Ночами сильные головные боли.

Недавно была больна Таточка. Она страшно напугала нас. Под утро я услышал Танин крик «помогите». У Таточки закатились глаза, побелела совсем, и слюни выступили, и вся неподвижная. Я совсем не мог понять, что с ней.

Звали доктора, но он отказался прийти так рано. Пришел в 12 дня. Высказал предположение, что это идут зубы и что с этим связалась боль в животе. Через три дня Таня заметила гной на подушке. Позвали другого доктора, и он нашел, что в ухе был нарыв. Нарыв давил как-то на мозг, оттого был припадок. Теперь Тата быстро поправляется и опять весела и спокойна, но какой-то ужас остался. Слава Богу, что причиной припадка оказался нарыв.

У Вильчинского⁸⁴ родилась дочь. На восьмой день у матери поднялась температура до 39, а на 9-й до 40 и 2. Мы провели несколько очень тяжелых дней. Теперь ей лучше, но опасность еще не миновала. Смерть веет над рождениями, а новая жизнь будет жить. Последние годы развил в душе вечное, и не будь этого – невозможно было бы теперь жить.

Вспоминаю теперь всю нашу дружбу. Вспоминаю старый дом в Петровском, в который я входил, как в родной, где меня ожидала моя семья. И когда Вы переехали, все изменилось. Смерть Кости, смерть Вовы. Только, Гриша, не приходит конец вашей семье. Этого не будет.

Я не могу написать Александре Александровне. Она поймет, какое письмо ты написал мне.

Передай же ей и всем Вам от нас горячий привет.

Мама написала несколько дней тому назад письмо твоей маме, в котором пишет, что это лето мы хотели бы провести где-нибудь в Петрове вблизи с Вашей семьей.

Прощай, дорогой друг.

Твой Коля.

---

⁸⁰ Неустановленное лицо.

⁸¹ Речь идет о смерти К. А. Фортунатова.

⁸² Система общественных благотворительных организаций, введенная в Санкт-Петербурге в 1908 г. для оказания систематической адресной помощи нуждающемуся городскому населению. В годы Первой мировой войны на них была возложена обязанность призрения членов семей мобилизованных нижних чинов и раздача казенных продовольственных пайков. Попечительство состояло из добровольных членов (Сводный отчет о деятельности городских попечительств о бедных в С.-Петербурге. СПб., 1914).

⁸³ Анциферов служил младшим помощником библиотекаря в Публичной библиотеке Санкт-Петербурга с 1916 по 1921 г. (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 39. Ед. хр. 320. Л. 9).

⁸⁴ Вильчинский Ян Марианович (Иван-Сигизмунд Марьянович-Яковлевич, 1891–?) – биолог, гимназический друг Н. П. Описан в мемуарах (Анциферов 1992. С. 468).

<Апрель> 1916 г. Петроград

Дорогой друг!

Получил твое письмо⁸⁵. После твоих первых писем у меня надежды не оставалось. Прочел о смерти, и опять вспомнилось все, что было вашего в моей жизни, и все перед глазами вечер, когда твоя мама вернулась после смерти Кости и вы все вокруг нее. И все чудится ее лицо, ее голос.

Мама очень удручена, и я даже с ней не говорю. А говорю с Таней, рассказываю ей все. Мы не пошлем Вам телеграммы. Мама настаивает, а я не могу. Я такое сочувствие чувствую только в радости. Николаю Николаевичу⁸⁶ мог послать, а вам не могу.

Думаю о вас и знаю, что Александра Александровна и Костя среди вас, и потому не разрушится старая семья Фортунатовых. Память об Александре Александровне и Косте и мы всегда будем святить.

Как сложится теперь у вас жизнь.

Твои письма мне дороги, как никогда. Прощай.

Твой друг Коля.

22 мая 1916 г. Москва

Дорогой Гриша!

Ехать с тобой, как и следовало ожидать, не можем. Получили письмо от тети Лидии, ждет нас. Может быть, я один смогу повидаться с тобой. Перед возвращением на службу (в конце июня) думаю побывать в Москве и Барановке⁸⁷. Может быть, заеду к Вам, если будете недалеко.

Мама очень расстроила свое здоровье, и ей придется основательно лечиться. Доктор посылает ее на юг, но она не хочет ехать в Крым. А где еще ей устроиться, не знаю. Только что-нибудь сделать будет необходимо. Пока доктор установил строгий режим. Через неделю сказал, что окончательно укажет, что делать.

Вчера Ольга Федоровна Оберучева⁸⁸ вернулась с похорон бабушки и привезла ужасную весть. 15-го мая Даню⁸⁹ нашли в постели мертвым. Он отравился морфием. Одни думают, что случайно, другие говорят о добровольной смерти.

Последнее время он страдал галлюцинациями. В конце декабря Даня сделал предложение Мэке и получил отказ. Это на него очень сильно повлияло. Даня после себя не оставил ничего, что бы могло объяснить его смерть. И я думаю, что это была действительно случайность, но случайность, которую носим в своей душе. Эта смерть непроглядно мрачна.

---

⁸⁵ Речь идет о письме с рассказом о смерти Александры Александровны Фортунатовой, скончавшейся 14 апреля 1916 г.

⁸⁶ Николай Николаевич Белокопытов.

⁸⁷ Барановка – имение Ивана Ильича Курбатова, дяди Н. П. по отцу, доктора медицины, расположенное в Рязанской губернии, было куплено им в 1897 г. Пребывание в Барановке в 1905, 1906, 1908 гг. описано в мемуарах (Анциферов 1992. С. 93–113).

⁸⁸ Ольга Федоровна Оберучева – жена К. М. Оберучева, в доме которых в Киеве проживали две бабушки: мать братьев Оберучевых, бабушка Калипсо, и сестра их отца бабушка Маша.

⁸⁹ Даня – Даниил Савельевич Лурье, сын врача. Описан в мемуарах (Анциферов 1992. С. 199–201).

Мне часто снится Вова. Раз он спускался по лестнице мне навстречу. Знаешь, такой радостный, как после разлуки. – «Так ты жив!» – «Жив! Жив! все это ужасное недоразумение, я тебе потом расскажу, а сейчас оставим это». И он был со мной. Во сне, когда видишь умершего, всегда чувствуешь, что что-то не так, что он уже умер. А тут этого совсем не было. Когда я проснулся, у меня было такое чувство, будто я побыл с Вовой.

Очень хочется получить портрет, о котором ты писал. Но высылать его пока не надо.

Много людей унесли последние года, много верований. Ты меня знал за общественника. Правда, им я остался и вместе с тем стал совсем иным. Присяжный политик и общественник, которые, казалось раньше, творят жизнь, – померкли, и дело их стало казаться маленьким. Чувствую – велика жизнь, и что-то творится каждый миг, и хочется участвовать в этом таинстве.

Жизнь люблю по-старому. Все сильнее чувствую вечное, это и спасает любовь к жизни. А жить тяжело, трудно стало. Но ведь это не мешает любить.

До свидания. Как ждешь его!

Напиши-ка мне в Алферово, где ты думаешь быть в конце июня.

Твой Коля.

Привет Марии Александровне и всем твоим.

17 июля 1916 г. Алферово

Дорогой друг!

Все ждал обещанное письмо, и нет его. Пишу в Петровское с просьбой переслать тебе. Очень порадовали меня заключительные слова твоей открытки: «Живу с женой дружно и счастливо».

Сегодня прочел о смерти Мечникова⁹⁰. Она очень сильно повлияла на меня. Ты знаешь, как многое возмущало меня в Илье Ильиче. Не знаю, говорил ли тебе, что после моей жизни в Париже мое отношение к нему значительно улучшилось. Я даже как-то привязался к нему. А помнишь рассказы Лидии Карловны⁹¹, когда мы встречали Новый год, о том, как тяжело приходится ему в Париже. Теперь вспоминаю о нем тепло. Сам стал терпимее, а потом и взгляды некоторые изменились. Вспоминаю жизнь в Париже. Вспоминаю Вову.

Может быть, побываю у Вас в Петровском проездом в Барановку. Еду туда на неделю. Только, кажется, не удастся. У нас финансы так плохи, что даже это может оказаться невозможным. Мама очень ослабела, и доктор прописал ей строгое лечение и жизнь на постели.

На последнее она не соглашается, а лечиться начала. Очень беспокоюсь о ней. Сейчас она в Сестрорецке с Левандами⁹². В Алферове нам хорошо. Все места здесь полны дорогими для нас воспоминаниями.

---

⁹⁰ Мечников Илья Ильич был женат на сестре Н. Н. Белокопытова Ольге. Анциферов встречался с Мечниковым во время посещения со Всеволодом Белокопытовым Парижа в 1911 г. Первое знакомство состоялось в 1908 г. в Петербурге. Взгляды Мечникова Анциферов описал в мемуарах: «Беседуя с Ильей Ильичом, я с удивлением убедился, что его политические взгляды далеко не прогрессивны. И что нашей прессой создан миф о его радикальности, в силу которой Мечников покинул родину. Так, Илья Ильич выражал свое негодование на то, что русское правительство разрешает Мануйлову с кафедры преподавать социализм. <...> Илья Ильич пренебрежительно отзывался о „легкомысленном“ Герцене и очень резко осуждал „глупого и беспутного“ Бакунина» (Анциферов 1992. С. 270–271).

⁹¹ Лидия Карловна Белокопытова.

⁹² Екатерина Максимовна гостила у своей сестры Марии Максимовны Леванды (урожд. Петрова).

Много занимаемся. Меня очень тянет к свободным занятиям. Хочется почитать новую литературу, литературу о войне, между прочим, собираюсь познакомиться с Фетом. Но столько обязательной работы, что не успеваю. Хорошо, что мне удалось поставить занятия так, что они не только средство, но и цель. Все, чем занимаюсь, привлекает и само по себе. Работаю по-прежнему над романтизмом. Занимался социальным мистицизмом в России (Одоевский, Тютчев, Печерин, Чаадаев, Киреевские) и Данте. Но главное содержание нашей жизни – Наташенька. Как мне ужасно, невероятно хочется, чтобы у тебя поскорее были дети. А как хорошо тогда нам будет говорить о них. Я так горячо ждал ребенка, что тот мир, который она принесла с собой, показал нам, что все самые светлые мечты – только утренний туман перед восходом солнца. А правда хороши слова Новалиса: «Ребенок – это любовь, ставшая зримой»⁹³. *<далее фрагмент текста утрачен>*

Прощай, дорогой друг. Пиши же поскорей. Всего светлого.

Твой Коля.

Привет Марии Александровне.

10 декабря 1916 г. Петроград

Дорогой Гриша!

Кажется, вырвался на час от «обязательных работ». Давно уже хочу побеседовать с тобой. Был недавно в Выборге. Два праздника дали мне возможность удалиться от обычных занятий. Повидал море, покрытое шхерами, послушал шум волн и сосен. Посидел на камнях. И много, много пережил. Почувствовал, убедился, что прошлое цело, что оно такое прочное, неизменное, ставшее достоянием вечности. Это не воспоминание, а прикосновение к живому, продолжавшему жить. Редкие сосны на красивых гранитных утесах, сползающих в море, как в Буде⁹⁴, Vierwaldstättersee⁹⁵, красные скалы Лергровика. Из-за горизонта *<далее нрзб>*, но шхеры увеличивают ширь моря и далеко уносят взор. Небо было седое, но кое-где просветы. Летали чайки. Мне было очень печально и очень хорошо. То Генуэзская крепость мерещилась, то Лергровик, то Буд, то Фирвальдштет-зее. И милые образы близких людей, и особенно Вова. Знаешь, так спокойно уверенно чувствовать, что он есть. Чужая речь кругом. Чужой город. Зовет колокол в церковь. Там орган и чудное пение. Все это так внятно говорило о времени до войны, когда все были живы. С какой силой чувствовалось, что Россия больна. Знаешь, этот вид толпы молодых свободных людей – это здоровье, это счастье народа, как он меня волновал. На Рождество с Таней и Наташей собирались поехать на озеро Сайму⁹⁶.

В Питере у меня жизнь налажена. Все часы распределены, и все как-то идет само собой. Занятия с учениками идут хорошо, ровнее, чем в прошлом году. Мы устроили исторический кружок. Раз в две недели из моего класса собирается человек 18–23. Докладчик читает, потом спорим. Ученики очень увлекаются. Темы берем из эпохи Возрождения и реформации.

---

⁹³ «Ребенок – это любовь, ставшая зримой. – Мы сами – сделавшийся зримым росток любви между природой и духом или искусством» (Новалис. Генрих фон Оффтердинген. Фрагменты. Ученики в Саисе. СПб., 1995. С. 150).

⁹⁴ Анциферов вспоминает рыбацкий поселок в Норвегии Буд, который он посещал с Гришей Фортунатовым в 1913 г. (Анциферов 1992. С. 438).

⁹⁵ Vierwaldstättersee (нем.) – Фирвальдштет-зее, Фирвальдштетское озеро в Швейцарии, где на Вилле Шиллер в 1908 г. Анциферов проживал вместе со Всеволодом Белокопытовым и Гришей.

⁹⁶ Сайма – самое крупное в Финляндии озеро; расположено на юго-востоке страны.

В педагогической среде только плохо⁹⁷. Очень сильная борьба совершенно отравляет дело образования. Столько насмотрелся глупости и гнусности, что лучше стал понимать общественные <глупости и гнусности>. Страшнее всего то, что людей-то гнусных как будто и нет. Вот уже, кажется, несомненная подлость, а присмотришься и с удивлением видишь, что сделал-то ее не подлец. Во всяком случае, «педагогике» учусь у учеников, а от коллег учиться не пришлось. Очень радуюсь, что ты с таким жаром принялся за свое семейное дело⁹⁸. Хотелось бы побывать в Москве и посмотреть, как зажили вы вдвоем. С большим увлечением занимаюсь теперь «Софией»⁹⁹. Мало только времени удается уделять этому. С Таней читаем «Жана-Христова»¹⁰⁰, книгу, о которой оба давно мечтали.

Привет Марии Александровне. Наши шлют тебе привет.

Наташе очень хорошо со мной. Обо всем теперь говорит. Любит больше всего рассматривать портреты.

Всего доброго.

Твой Коля.

16 января 1917 г. Москва

Дорогой Алексей Федорович!

Спасибо за привет. Спешу исполнить Вашу просьбу: Адрес Н. И. Кареева Васильевский Остров, Большой проспект, д. 24, Ив. Ал-ндр. Бодуэн-де-Куртенэ Васильевский Остров, Кадетская линия, д. 9-1, и Л. И. Петражицкого¹⁰¹ – Каменноостровский, № 22а.

В ответ на Ваш вопрос об интересующихся вопросом реформы школы мог бы прежде всего назвать первых двух указанных Вами как лиц, наиболее известных в связи с этим вопро-

⁹⁷ В 1915–1916 гг. в условиях Первой мировой войны велась подготовка реформы средней школы, вызванной перегруженностью программы и неупорядоченностью преподавания и с целью расширения профессионального образования населения для экономического освобождения России. Обсуждение проекта депутатами Государственной думы касалось деления школьного курса на ступени, выявления базовых предметов, вопросов эстетического и религиозно-нравственного воспитания, совместного обучения мальчиков и девочек, гуманитарного и естественно-технического образования (Шевченко В. А. Подготовка реформы среднего образования министром народного просвещения П. Н. Игнатьевым. 1915–1916 годы // Проблемы современного образования. 2016. № 4. С. 101–121).

⁹⁸ Речь идет о профессии ученого-педагога. Начало семейной традиции положил прадед Алексея Федоровича Петр Федорович Фортунатов (ок. 1759–1815/20) (Азеева Н. Н. Преподавательские традиции в династии Фортунатовых // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов: Сборник статей. Чебоксары, 2014. С. 17–22).

⁹⁹ «София» (др.-гр.) – премудрость, высшая мудрость. Речь идет о давнем увлечении Анциферова и Татьяны Николаевны религиозно-философским учением о «положительном всеединстве», изложенном и развитом Владимиром Соловьевым, Сергием Булгаковым, Павлом Флоренским, Львом Карсавиным и др. Углубленный интерес Анциферова к религиозно-философской проблематике сказался в его вступлении (по рекомендации А. В. Карташева) 5 ноября 1914 г. в Петроградское религиозно-философское общество, созданное по аналогии с Московским религиозно-философским обществом памяти В. С. Соловьева. 23 ноября 1915 г. также по рекомендации Карташева в общество вступила Т. Н. Анциферова.

¹⁰⁰ Увлечение десяти томным романом Р. Роллана, публиковавшимся в 1904–1912 гг. и в 1916 г. удостоенным Нобелевской премии, восходит к литературно-философскому студенческому кружку И. М. Гревса, организованному в 1915–1916 гг. для изучения философских аспектов и перевода этого произведения. «Гуманизм (humana civilitas), столь свойственный нашему раде, также привлек его в Ромене Роллане. В тот год бушевала Первая мировая война. Ненависть стала гражданской доблестью. Шовинизм охватил все круги общества. <...> Ученые всего мира переругивались в торжественных декларациях, объявляя себя защитниками цивилизации. Лишь Р. Роллан выступил <...> против проповеди ненависти», – вспоминал Анциферов (Анциферов 1992. С. 173).

¹⁰¹ Кареев Николай Иванович (1850–1931) – историк, профессор, преподаватель на историко-филологическом факультете Петербургского университета, описан в мемуарах (Анциферов 1992. С. 479). Бодуэн де Куртенэ Иван Александрович (1845–1929) – выдающийся лингвист, член-корреспондент Петербургской академии наук. Преподавал в Петербургском университете в 1900–1918 гг. Петражицкий Лев Иосифович (1867–1931) – теоретик права, в 1898–1918 гг. возглавлял кафедру энциклопедии права в Петербургском университете, упоминается в мемуарах (Там же. С. 494).

сом. Еще встречал статьи Ал. Арк. Кауфмана¹⁰², Васильевский Остров, 4-ая линия, д. 31, и Дм. Влад. Философова, Сергиевская, д. 83, Сер. Ан. Венгерова¹⁰³, Загородный, д. 21. Знаю, что И. М. Гревс (Васильевский Остров, 14 линия, д. 31) тоже интересовался этим вопросом. Как только прочел Вашу открытку, узнал из газеты, что переосвидетельствование¹⁰⁴ отложено до осени, чему очень порадовался. Надеюсь побывать у вас на Пасхе. Работаю теперь много и с большим удовольствием. По-прежнему больше всего увлекаюсь преподаванием.

Привет от нас всем Вам.

Ваш Н. Анциферов.

<1917 г. Петроград>

Дорогой Алексей Федорович!

Очень тронут памятью обо мне.

Сегодня получил письмо от Гриши из Партенита¹⁰⁵. Пишет, что чувствует себя хорошо. Маня произвела на него гораздо лучшее впечатление. Я от нее недавно получил ответное письмо.

Летом, как Вы уже знаете, провели три дня с Мишей, им совершенно очарован, хотя не во всем согласен. Сравнивал его с Гришей в эти годы. Какая разница во всем, хотя они оба чистые Фортуналовы. Вся наша семья собралась уже в городе. Я много отдаю времени лекциям для рабочих, солдат и матросов. Но преимущественно на исторические темы.

Сегодня иду к П. А. Кропоткину¹⁰⁶ посоветоваться с ним о построении своего курса. Он был на открытии нашего Матросского университета¹⁰⁷ и набросал программу для занятий по истории XIX века.

---

¹⁰² Кауфман Александр Аркадьевич (1864–1919) – экономист, автор работ по вопросам землепользования и землевладения в Сибири, аграрным общинам, переселенческим вопросам, статистике.

¹⁰³ Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – публицист, художественный и литературный критик, религиозно-общественный и политический деятель, в 1908–1917 гг. член Петербургского религиозно-философского общества, в 1918–1919 гг. работал в Публичной библиотеке. Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) – литературный критик, историк литературы. В 1897–1899 гг. читал лекции по русской литературе в Петербургском университете. В 1908 г. руководил Пушкинским семинарием, где начали свой научный путь С. Бонди, Ю. Тынянов, Ю. Оксман, В. Жирмунский, С. Балухатый, Б. Эйхенбаум и др.

¹⁰⁴ В годы Первой мировой войны было произведено переосвидетельствование белобилетников, запасных и ратников.

¹⁰⁵ Партенит – поселок на Южном берегу Крыма недалеко от Алушты.

¹⁰⁶ Кропоткин Петр Алексеевич (1842–1921) – идеолог анархизма, географ, социолог, упоминается в мемуарах Анциферова (Анциферов 1992. С. 267).

¹⁰⁷ Возникший в начале Февральской революции Союз солдат-республиканцев направил усилия на развитие культурно-просветительской деятельности среди широких солдатских масс, подготавливая эти массы к сознательному участию в политической жизни страны. С этой целью Союзу, при скромных материальных средствах и незначительном числе активных работников, удалось издать свыше 1 миллиона 500 тысяч экземпляров брошюр, написанных авторами социалистического направления, распространить их и устроить ряд лекций по социальным и политическим вопросам. Благодаря содействию почетного члена Союза В. И. Лебедева, назначенного управляющим Морским министерством, и начальника походного штаба Н. И. Раткова был открыт Первый Матросский университет. Занятия первой очереди начались 5 августа и закончились 30 августа 1917 г. (Куликовский П. Первый Матросский Университет Союза Солдат-Республиканцев. Пг., 1917). Первый Матросский университет представлял собой месячные образовательные курсы для матросов, которым предстояло стать агитаторами и поддерживать на выборах в Учредительное собрание кандидатов «социалистического направления». Среди преподавателей, читавших матросам лекции, были Анциферов и его друзья по Эрмитажному кружку А. П. Смирнов и А. А. Гизетти. В церемонии открытия курсов в Большой физической аудитории ПГУ принимали участие А. Ф. Керенский, В. И. Лебедев, П. А. Кропоткин, ректор университета проф. Э. Д. Гримм и др. (Платонова Н. И. К биографии Г. А. Бонч-Осмоловского: источники и комментарии // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Исторические науки». 2016. Т. 2 (68). № 3. С. 115). Упомянутый курс по истории, подготовленный Анциферовым, был опубликован (Анциферов Н. П. История XIX века. Сжатый очерк-конспект, читанный в «Матросском университете» Союза солдат-респуб-

Думаю много пользоваться Герценом. Наша Наташа очень подросла, любит книжки и отличается добротой и веселием.

Таня пишет брошюры на революционные темы. Только последнее время у нее очень мало досуга, т. к. масса времени уходит на «продовольствие».

Всего светлого, дорогой Алексей Федорович.

Привет от нас всем Вашим.

Ваш Н. Анциферов.

Р. С. Я не разделяю панического состояния нашего «интеллигентного общества» и твердо верю, что и Россия не погибнет, и к старому строю возврата нет. Хотя местами бывает очень тяжело.

Сейчас написал Мане.

22 мая 1918 г. Петроград

Дорогой Алексей Федорович!

Очень обрадовался Вашему письму и с большой охотой буду писать Вам. Очень радуюсь проснувшейся в Вас эмоциональной жизни, вернувшей Вам Вашу жизнерадостность.

Очень заинтересовался «опытной станцией». Если Сане нужны еще сотрудники, был бы рад устроиться при нем. Боюсь, что в Петербурге в будущую зиму будет жить труднее, чем в берлоге нашего предка палеолита «ашельского периода»¹⁰⁸. Очень поразило меня известие о браке Миши. Ведь он, как и все Фортунатовы Петровско-Разумовские, должен быть моногамом. Думаю, что хорошо в его возрасте узнать друга, но не сразу соединить с ним свою жизнь, впрочем Миша читал в 10 лет Герцена, в 16 лет был в Перми агитатором, может быть, в 18 он уже настоящий *vir Togatus*¹⁰⁹. Утешает меня Ваш отзыв о его Катерине Романовне¹¹⁰. Хотелось бы очень повидать их. К Мише у меня особенно-душевное чувство, он меня в Крыму и Петергофе совсем покори́л, и ужасно хочется ему пожелать всего светлого.

Попробую теперь написать что-нибудь о нас, хотя я уже совсем отвык писать письма. За целую зиму ни одного большого письма не пришлось написать.

Я как-то оторвался от жизни целого. Перестал чувствовать с ним связь. Перестал понимать, что происходит. Или, может быть, наконец понял, что ничего не понимаю. Торжествующий в России большевизм и победивший на Западе империализм рисуются мне злыми силами. И красные, и белые – в разной степени, но те и другие враждебны мне. Я остался в общественной жизни «без места». Так, вероятно, чувствовал себя старый римлянин из стана Катона-младшего, взирая на борьбу Октавиана с Антонием¹¹¹. Это состояние «вне борьбы» очень тяготит меня и, думаю, дурно действует на душу, заглушая в ней начала гражданственности. Помните у Герцена «С того берега»? «Одно благо, остававшееся этим иностранцам своего времени, была спокойная совесть, утешительное сознание, что они не испугались истины, что они, поняв ее, нашли довольно силы, чтобы вынести ее, чтобы остаться верными ей.

– И только.

ликанцев. Пг., 1917).

¹⁰⁸ Человек *ашельской эпохи палеолита* (800–120 тысяч лет назад) селился как под открытым небом, так и в пещерах.

¹⁰⁹ *Vir Togatus* (лат.) – одетый в тогу, иначе говоря, свободный гражданин.

¹¹⁰ *Екатерина Романовна* – первая жена М. А. Фортунатова, биографические данные не установлены.

¹¹¹ Борьба за верховную власть между Марком *Антонием* (83 г. до н. э. – 30 г. до н. э.) и *Октавианом* (63 г. до н. э. – 14 г. н. э.), развернувшаяся после убийства Цезаря и завершившаяся победой Октавиана; ее итогом было установление единовластия в Римском государстве.

– Будто этого не довольно? Впрочем, нет, я забыл, у них было еще одно благо, личные отношения, уверенность в том, что есть люди так же понимающие, сочувствующие с ними, уверенность в глубокой связи, которая независима ни от какого события; если при этом немного солнца, море вдали или горы, шумящая зелень, теплый климат – чего же больше?»¹¹²

Нет у меня всех этих благ. Нет спокойной совести, но и раскаяния нет, а есть недоуменный вопрос, что должен был я делать как гражданин, когда было не поздно. Ответа не нахожу, но совесть неспокойна. Второе большое лишение – отсутствие природы.

Герцену, конечно, не приходилось думать о систематическом недоедании его семьи и об жизни зимой в нетопленной квартире.

Еще одно очень мучило меня зимой – полное отсутствие досуга. В 8 утра ежедневно я отправлялся в Тенишевское училище¹¹³, где состою воспитателем. В 3½ освобождаюсь и спешу в общественную столовую, чтобы в 5¼ быть на ежедневном дежурстве в читальном зале Публичной библиотеки, которую покидаю в 9 вечера. Пешком возвращаюсь домой в начале одиннадцатого. И даже не каждое воскресенье я свободен. Невозможность побыть с семьей, с самим собой очень угнетала меня. Но зато каким светлым был для меня каждый праздник, я набирался дома света и тепла, и мне хватало его на целую неделю.

Но вообще приведенные слова Герцена очень близки мне.

(Какая насмешка, первый памятник в России будет открыт Зиновьевым!¹¹⁴)

Есть у меня еще утешения, которых не знал Герцен, это религия и школа. О последней хочу написать Вам. Во мне осталась горячая вера и в смысл жизни, и в будущее человечества. (Простите, это звучит желторото?) И я ощущаю живейшую потребность поддержать эту веру в тех, кто идет на смену нашему поколению. У меня нет еще никаких определенных педагогических взглядов. Я сейчас больше учусь у своих милых мальчиков и девочек и сознательно мало «направляю их». Влияние мое, вероятно, сказывается косвенно, из-за самого факта общения. Мои ребята дали мне много доказательств своей любви. А если есть любовь, должно быть и влияние. Мне приходится иметь дело и с детьми, еще полными сказочных фантазий (8–9 лет), и с подростками, одновременно разочарованными и жизнерадостными, и со старшим классом, полу-студентами, определяющими свои ближайшие жизненные задачи. И мне приходится с ними проходить самые разнообразные предметы, и Закон Божий, и историю, и искусство. Товарищи мои по воспитательству – все опытные и любящие свое дело люди. Но в них меня отталкивает одна черта. Они смотрят на воспитанников, как скульпторы на глыбу мрамора. Переоценивают и свои силы, и, думаю я, свое право.

Благодаря ребятам я живо переживаю теперь разные периоды своего отрочества и юности. Я очень полюбил вспоминать. Данте сказал: «Nessun maggior dolore Che ricordarsi del tempo felice Nella miseria»¹¹⁵. Одно из двух – или он неправ, или же все же наше время далеко еще от Nella miseria.

¹¹² Герцен-5. С. 468.

¹¹³ Анциферов служил преподавателем (воспитателем) в Тенишевском училище Петрограда (после революции 1917 г. Советская школа 1-й и 2-й ступени 1-го городского района) с 5 сентября 1917 г. по 1 сентября 1925 г. (ЦГА СПб. Ф. 2811. Оп. 1. № 100).

¹¹⁴ *Первый памятник в России* – речь идет о памятнике А. И. Герцену. *Зиновьев* Григорий Евсеевич – в 1918–1919 гг. председатель Совета комиссаров Союза коммун Северной области, организатор красного террора в Петрограде. Согласно подготовленному комиссией Наркомпроса и Наркомата имущества Республики в июле 1918 г. плану монументальной пропаганды, 22 сентября 1918 г. в проломе ограды Зимнего дворца был открыт первый памятник-бюст А. Н. Радищеву, 17 ноября 1918 г. перед зданием университета – бюст Г. Гейне, 23 февраля 1919 г. у Литейного моста открыт памятник А. И. Герцену – все они были демонтированы в 1923 г.

¹¹⁵ «Нет большего горя, чем вспоминать о счастливом времени в несчастье» (лат.) – цитата из «Божественной комедии» Данте, заимствована из эпизода о Паоло и Франческе и представляет собой начало рассказа тени Франчески о своей судьбе; фраза стала ходовым выражением, употреблявшимся в русской литературе со времен Пушкина и П. А. Вяземского без перелома.

Т. Н. массу времени работает с детьми и по хозяйству, а по ночам занимается по исторической статистике для недавно умершего А. А. Кауфмана. Мама очень ослабла, но все же немало помогает нам. Дети здоровы, но худы, и Павел слабенький. Однако оба очень веселы и ласковы. Избран я профессором в Ташкент¹¹⁶, но вряд ли поеду. Хотелось бы устроиться поближе к Москве.

Всего доброго. Привет всем Вашим.

Федю, Вашу и мою няню целую.

Привет вам от моих.

Ваш Н. Анциферов.

10 июля 1918 г. Янишполе, Карелия

Дорогой Алексей Федорович!

Мне помнится, что Петрозаводск – Ваша родина¹¹⁷. Во всяком случае, он у меня тесно связан с Вами. Сейчас встретил восход солнца над Онежским озером. Памятники Петру и Александру снесены¹¹⁸. Осмотреть город подробно не пришлось. Поезд стоял недолго. Еду на Мурман с экскурсией кончивших Тенишевское училище.

Собираюсь быть в Москве в конце августа.

Привет Вашим сыновьям.

Ваш Н. Анциферов.

5 сентября 1918 г. Петроград

Дорогой Алексей Федорович!

Будьте так добры написать мне несколько слов о себе и о Вашем потомстве. Как здоровы Феде? Я очень беспокоюсь о нем, т. к. оставил его во власти сильного жара. Устроился ли

---

¹¹⁶ В автобиографиях Анциферов датирует избрание то 1919 г., то 1920 г. Известно, что в 1920 г. он вел организационную работу по созданию историко-филологического факультета для Туркестанского университета, однако на службу не выехал. Президиум Тенишевского училища ходатайствовал перед руководством университета об отмене приглашения: «Отъезд Николая Павловича поставит училище в совершенно безвыходное положение. Огромная доля жизни старших классов связана непосредственно с Николаем Павловичем, он является вдохновителем и руководителем этой жизни. Им вызван особый моральный подъем среди учащихся. Приняв во внимание тяжелый моральный кризис, в котором сейчас находится юношество, было бы жестоко оборвать столь необходимую в этой области работу Николая Павловича. Прекрасный педагог, автор многих кружковых занятий, руководитель экскурсий в областях духовной и материальной культуры, Николай Павлович неотделим от училища, которому в настоящее время жизнь поставила огромные задания. Отпустить Николая Павловича значит в буквальном смысле разрушить жизнь школы» (ЦГА СПб. Ф. 2811. Оп. 1. № 100. Ед. хр. 130. Л. 16).

¹¹⁷ В 1852 г. приказом Министерства народного просвещения отец А. Ф. Фортунатова был переведен в Петрозаводск на должность директора Олонецкой губернской мужской гимназии и одновременно директора народных училищ. Младший сын Ф. Н. Фортунатова Алексей родился в Петрозаводске. В 1863 г., после выхода Ф. Н. Фортунатова в отставку, семья переехала в Москву (Агеева Н. Н. Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С. Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2015. С. 36).

¹¹⁸ 12 апреля 1918 г. Советом народных комиссаров РСФСР был принят Декрет «О памятниках республики» с решением о сносе памятников, «воздвигнутых в честь царей и их слуг», во исполнение которого по постановлению Исполнительного комитета Петрозаводского горсовета были демонтированы памятник основателю Петрозаводска Петру I, открытый в честь 200-летия со дня его рождения на Круглой площади на средства государственной казны, и памятник Александру II, воздвигнутый в память о Царе-освободителе 30 августа 1885 г. на средства губернского земства на Соборной площади.

Гриша в Ветлуге? Или все еще в Москве. Как идут Ваши занятия? Как справляетесь с переездами во все концы Москвы? У нас еще до сих пор не наладилась жизнь. Жить совершенно с семьей в Питере невозможно. А ехать некуда. Живу только верой, что «все образуется». С удовольствием вспоминаю наши прогулки и Ваши рассказы.

Мы шлем Вам привет. Привет Вашим сынам.

Ваш Анциферов.

<1918 г. Петроград>

Дорогой Алексей Федорович!

Спасибо за адреса. Простите, что беспокоим Вас. Жду обещанную книгу по вопросу об образовании. Встретил Щепкину¹¹⁹, передал Ваш привет, она была очень тронута и сказала: «Лёля Фортунатов, какое далекое прошлое!» Я ей сказал о существовании воспоминаний Екатерины Федоровны, и она очень пожалела, что Вы не собираетесь пока их печатать. Недавно видел Лемке¹²⁰. Он готовит 20-томное собрание сочинений Герцена, выпустить его хочет сразу. Пока подготовлено 9 томов.

Собрал много писем лиц, связанных с Герценом. Между прочим, до 20 писем Гервега. Лемке подтвердил, что Наталия Александровна не покидала Герцена¹²¹. Сочинения выйдут «по окончании войны», немного похоже на «после дождика в четверг». Нехорошо теперь в общей жизни. Дух гаснет. Живешь работой и личным и ждешь мира, как сказывают первые христиане ждали второго пришествия. Увлекаюсь Роменом Ролланом. Не встречались ли Вам в «Северных записках» его переводные статьи? Особенно хороши «Кумиры»¹²².

Привет Маше и Мише.

Наши шлют Вам привет. Мечтаю побывать в Москве.

Любящий Вас

Н. Анциферов

---

¹¹⁹ Неустановленное лицо.

¹²⁰ Лемке Михаил Константинович (1872–1923) – историк русской журналистики, цензуры и революционного движения; в 1920–1921 гг. член редколлегии журнала «Книга и революция», составитель и публикатор 22-томного собрания сочинений и писем Герцена.

¹²¹ Углубленный интерес Анциферова к истории жизни и идеям Герцена возник под влиянием А. Ф. Фортунатова и посещения могилы писателя в период пребывания в Ницце зимой 1906/07 г. С тех пор изучение наследия и судьбы Герцена переросло в осознанный научный интерес, который реализовал себя в ряде исследовательских и публикаторских проектов. Общественная позиция Герцена, его семейная драма, травма, углубившаяся увлечением жены Герцена немецким поэтом и политическим деятелем Г. Гервегом, были пережиты Анциферовым и Татьяной Николаевной как события собственной жизни (Анциферов 1992. С. 4, 10). У Анциферова долго сохранялось убеждение, что Наталия Александровна сумела преодолеть свое чувство к Гервегу. Выйдя из заключения в 1933 г., он познакомился с письмами Н. А. Герцен к Г. Гервегу по публикации Эд. Карра, долгое время относился к этой публикации с недоверием, но затем переработал с учетом ее свою книгу «Любовь Герцена» (не опубликовано), построенную прежде на презумпции верности Н. А. Герцен своему мужу. Впоследствии Анциферов неоднократно возвращался к трудным для него размышлениям на эту тему, в том числе и при работе над материалами Герцена и Огарева из «Пражской коллекции».

¹²² «Кумиры» – восьмая статья (о роли интеллигенции в период войны) из цикла «Над схваткой» Р. Роллана, опубликована 4 декабря 1914 г. в швейцарской газете «Journal de Geneve» («История человечества есть история кумиров и их последовательных царствований <...> Господа сменялись, рабы – все те же <...> Кто разобьет кумиры? Кто раскроет глаза их фанатическим сектантам?»). Статьи Роллана из этого знаменитого цикла имели большой резонанс в Европе и были переведены почти на все европейские языки, кроме немецкого. Печатались в российской периодике в годы Первой мировой войны (1914–1918).

5 мая 1919 г. Петроград

Дорогой Алексей Федорович!

С тех пор, как мы с Вами гуляли по окрестностям Петровского, прошло около года, и какая тяжелая зима пережита. Однако мы бодрости не теряем и умеем находить удовлетворение и светлые минуты в нашей суровой жизни. Мне приходится ежедневно уходить из дому в 8 часов и возвращаться лишь в 10 ч. Детей совсем не вижу. Татьяна Николаевна занимается исторической статистикой по ночам, т. к. днем присесть не может. Но бывает праздник, и мы воскресаем душой. И снова работа. Дети здоровы. Мама очень ослабла. Что со всеми Вами? Жду с нетерпением ответа. Привет всем Вашим сыновьям.

Ваш Н. Анциферов

30 июля 1919 г. Петроград

Дорогой Алексей Федорович!

Ряд тяжелых несчастий помешал мне ответить Вам.

Опасно была больна Таня.

Лежала в больнице и подверглась операции. Одновременно ненадолго заболела мама. На мне лежал весь дом. Когда все вновь наладилось, заболел и умер Павлинька, а за ним умерла и Наташенька от дизентерии. После похорон детей мы все получили эту болезнь. Таня перенесла ее на ногах и ухаживала за нами.

Я уже болен 10-ый день. Со вчерашнего дня немного лучше. Хотелось бы резко изменить и внешнюю обстановку жизни.

Думаем принять предложение Гриши.

О своем решении попробую Вам написать, когда несколько очнусь!

Ваш Н. Анциферов.

Наш новый адрес: М. Посадская, 19, кв. 15. Будьте добры, сообщите мне адрес Гриши. 30/VII н. ст. 1919 г.

31 сентября 1920 г. Петроград

Дорогой Алексей Федорович!

Побыл с Вами мало, и захотелось поскорее написать Вам.

Мои периодические возвращения в Вашу семью эти 24 года сделались для меня часами внутреннего испытания. После смерти отца – я нашел у Вас родной дом. Ваш дом стал для меня какой-то гранью, у которой я останавливаюсь, осматриваюсь на пройденный путь и думаю о будущем. Это я почувствовал в первый раз весной 1913 года, когда приезжал к Вам со своей невестой. Мне кажется, что у Вас я встречаюсь с самим собой, каким был в предыдущий при-

езд, и сужу себя. Я вот сейчас помню каждый приезд. Как все быстро менялось. Но в этот раз я был взволнован особым чувством, о котором хочу написать Вам.

Я увидел Вас снова окруженным родными лицами. И среди них были три лица, волновавших меня, – дети Кости. Кирок так живо напомнил тех «мальчиков Фортунатовых», с которыми я познакомился 24 года тому назад. То же выражение лица – движения – даже такая же серая курточка с поясом и высокие сапоги. Арочка же так странно сочетала черты матери и Мани. Младшая тоже Фортунатова, но в ней я не мог ясно узнать кого-нибудь из Ваших детей.

Когда я видел всех их, и Гришу, и Мишу, рядом с Вами и слушал Ваши слова об этике хореизма и харитизма¹²³, я порадовался за Вас, дорогой Алексей Федорович.

Простите, может быть, мое письмо будет Вам неприятно, напоминает много тяжелого. Но я пишу Вам смело. И я несу в жизнь с собой два гроба.

Хочется Вам сегодня на прощанье привести выдержку из XIX тома Герцена, м. б., Вы и не так скоро его получите (XIX том кончается 1867 г.).

Последняя запись из дневника:

«Декабрь 20/66 г.

Первый раз после похорон в мае 1852 я иду один на кладбище – я приехал один в Ниццу.

В 61 году я был с сыном.

В 65 – я был с двумя гробами¹²⁴.

Теперь я являюсь один перед двумя прошедшими, перед закатившимся светиллом – и потухнувшими надеждами – до восхода.

Что я скажу гробам?

Что в себе скажу перед вечной немотой?

Скоро пройдет 15 лет – какая исповедь, какие „были и думы“ в них»...¹²⁵

Вот в таких местах Герцен приобщает всех нас к своей жизни.

Возвращаюсь к обычной работе.

Так жаль, что мало побыл с Вами. Хотелось с Гришей по старинке побродить по парку и поговорить о жизни. Хотелось и с Мишей.

Привет всем Вашим.

Ваш Н. Анциферов.

¹²³ Возможно, предметом обсуждения была книга профессора Петербургского университета, описанного Анциферовым в мемуарах, Ф. Ф. Зелинского «Древнегреческая религия» (Пг., 1918), где, в частности, шла речь о «хорее» – соединении поэзии, танца, музыки, этой «триединой ячейки позднейших обособленных искусств» (Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. С. 41), которой в Древней Элладѣ освящался как умственный, так и физический труд. Поклонение Музам, праздники, им посвященные, стали «не только отдыхом, но всенародной образовательной школой» (Там же. С. 43). Это позволило Зелинскому назвать греческую религию «религией радости». Для эллина «праздник был не днем праздности, а, наоборот, днем кипучего труда, но только не ради наживы, а ради возвышения богов и возвышения собственной души» (Там же. С. 44). «Музыкальный», т. е. предназначенный не для наживы, а для возвышающих дух науки и искусства, мог быть назван любой род деятельности, например краеведение (см.: Золотарев 2016. С. 586, 613). По утверждению Зелинского, эллины осудили бы тот народ, который счел повседневный труд осквернением праздника и службы своему богу. Концепция харитизма (от *charis*, гр. – благодать), т. е. благодати, которой удостаиваются и которую могут дарить своим почитателям герои после смерти, была рассмотрена Зелинским в работе «Харита – идея благодати в античной религии» (Логос. 1914. Т. 1. С. 111–149).

¹²⁴ Речь идет об умерших вскоре после рождения близнецах, детях Герцена от Наталии Алексеевны Герцен.

¹²⁵ Герцен-19. С. 141.

<Январь> 1922 г. Петроград

С Новым годом, дорогой Алексей Федорович!

Давно, давно уже собираюсь в Москву, и все не удавалось попасть. А так хочется побывать у Вас. Когда попаду, не знаю. Не раньше весны! У меня был в тяжелой форме сердечный припадок, и мне предписан строгий режим. Пришлось покориться. Сажу дома и готовлюсь к магистрантским экзаменам. Первая тема – А. И. Герцен. В связи с этим вопросом занялся Д. С. Миллем, Леопарди и Фейербахом¹²⁶. К сожалению, 17-ый том до сих пор не вышел. Как живете Вы, как Ваши сыновья. Ну и хочется же мне попасть в Москву!

Ваш Н. Анциферов.

30 марта 1925 г. Ново-Николаевск

Дорогой Алексей Федорович!

Шлю Вам привет из Ново-Николаевска¹²⁷. В моей жизни произошли крупные и печальные перемены¹²⁸. 24-го февраля поздно вечером я был арестован и 25-го февраля отправлен по этапу в распоряжение Ново-Николаевского государственного политического управления, которое направило меня в Омск. Пишите до востребования. Таню я оставил в санатории, маму больной. Сейчас я утешен письмами из дому, что друзья пришли на помощь моей семье. Может быть, мне удастся найти службу в Омске и перевести свою семью.

В течение последних 1½ лет мне не удалось побывать в Москве и повидаться с Вами, дорогой учитель и отец семьи, которую я ощущаю, как родную. Нам не удастся увидаться скоро, и мне хотелось высказать Вам и всем Вашим глубокую благодарность. Привет всем.

Ваш Коля.

---

¹²⁶ Милль Джон Стюарт (1806–1873) – британский философ, социолог, экономист и политический деятель, разрабатывал философию либерализма, концепцию индивидуальной свободы; Леопарди Джакомо (1798–1837) – итальянский поэт-романтик, мыслитель-моралист, филолог; Фейербах Людвиг (1804–1872) – немецкий философ-материалист.

¹²⁷ Ново-Николаевск переименован в Новосибирск 12 февраля 1926 г.

¹²⁸ Анциферов был арестован в ночь с 24 на 25 февраля, 26-го сослан в Сибирь в Ново-Николаевск по обвинению в недонесительстве на Анатолия Эсперовича Серебрякова (см. о нем: Слепкова Н. В. Историк Зоологического музея Анатолий Эсперович Серебряков (1890–1938) // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 3. С. 43–71). Знакомые, которых Серебряков посетил в Ленинграде после тайного возвращения, А. П. Смирнов, Н. П. Анциферов, А. В. Шмидт, были арестованы. Анциферов был осужден на три года к вольной ссылке в Омске и получил разрешение уехать в Омск в качестве ссыльного, где провел семь недель. К этому моменту семья Анциферова переживала немалые трудности: Сергею было только три года, Тане не исполнилось и года. Жена болела туберкулезом, обострившимся после рождения детей. Приговор спустя два месяца был отменен. «Мне казалось, что моя жизнь кончена, т. к. должна была погибнуть моя семья, но друзья спасли мою семью», – записал Н. П. в дневнике (Анциферов 2014. С. 606). 29 мая 1925 г. он вернулся в Ленинград.

Дополнение Н. П. Анциферов – Л. К. Белокопытовой¹²⁹

<8 ноября 1920 г. Петроград>

Дорогая Лидия Карловна!

Мы нашли друг друга после стольких лет, и боюсь, что мы потеряем друг друга. Я даже не знаю, куда направить свое письмо. Оля¹³⁰ мне прислала адрес, по которому я и отправляю это письмо. Но я знаю, что Вы живете где-то вне Парижа. Если это письмо дойдет, сообщите Ваш точный адрес.

Ваша открытка произвела на меня большое впечатление. Если Вы сохранили силы любви – значит, Вы победили. Читая Вашу открытку, я вспомнил слова Герцена, «о чем юность мечтала без личных видов, выходит светлее, спокойнее и также без личных видов из-за туч и зарева»¹³¹.

Этого я не могу сказать о себе, я не отказался от личного. Да, я должен признаться, что не преодолел в себе того юношу, которого Вы знали. Я чувствую себя несмотря на большой путь внешней жизни, пройденный за эти годы, ужасно незрелым. То же я скажу и о Тане, даже в большей степени.

Но эта неспособность отказаться от личного мне не мешает.

После смерти детей я чувствовал освобождение от жизни, которое давало мне большую нравственную силу. Но и тогда это освобождение было не полным, т. к. жажда иметь ребенка не покидала ни меня, ни Таню.

За эти полгода в нашей жизни не произошло существенных перемен. Поскольку я погружен в жизнь своей семьи, общаюсь со своими друзьями и работаю, я чувствую себя хорошо, и моя личная жизнь теперь складывается очень хорошо. Но все это «постольку-поскольку». Та ненависть, которая царит теперь и у вас в Европе, и у нас, отравляет жизнь и подрывает веру в будущее, хотя и не окончательно.

Вечные ценности либо цинически отвергаются, либо, лицемерно признаваемые, в корне попираются. Я не знаю, где чище нравственная атмосфера, у нас или у вас? Вот это знание царящего повсюду зла омрачает жизнь. Но все же в душе незаглушенно живет: «Все пройдет, одна правда останется». Но это есть вера в чудо. А ведь чудо все же возможно, была бы вера. Портит жизнь еще забота о хлебе насущном. Мама слабеет. Пришлось взять ей и Тане в помощь прислугу (их теперь зовут «сотрудница»). Мы скоро ждем ребенка¹³² (очень хочется дочь). Так что на мне лежит долг содержать 6 человек, и я один работник. Цены растут быстрее жалованья. Вот маленькая справка. В Тенишевском училище я провожу половину своего трудового

---

¹²⁹ Письма Анциферова Л. К. Белокопытовой печатаются по первоисточнику: АРАН. Ф. 584. Оп. 6. Д. 130. Подготовка текста, публикация, комментарии Д. С. Московской.

¹³⁰ Оля – вероятно, Ольга Михайловна Вивденко, художница, киевская знакомая Всеволода Белокопытова и Анциферова, бежавшая в 1920 г. из Крыма в Болгарию. «В своих скитаниях она встретила с отцом Всеволода – Николаем Николаевичем, который так боялся возможности брака его сына с дочерью нотариуса. Судьба решила иначе: не сын Н. Н. Белокопытова, а он сам вступил в такой мезальянс. Брак этот не был счастливым. Новобрачные поселились в Париже. Н. Н. Белокопытов ослеп. Вся тяжесть заработка легла на Ольгу Михайловну» (Анциферов 1992. С. 276–277).

¹³¹ Герцен-12. С. 8.

¹³² Речь идет о Сергее, появившемся на свет 15 февраля 1921 г.

времени. Получил 10 миллиардов жалования. Фунт масла – 700 миллионов. Фунт сахарного песку – 300 миллионов. Но мы уже ко всему этому приспособились.

Несмотря ни на что, у нас не сонное царство. Широкие массы разными путями втянуты в культурную жизнь. Большая работа совершается в дворцах, музеях, театрах. Выходит много хороших и книг. Некоторое улучшение приходится отмечать даже в быту.

Недавно я ездил в Рязанскую губернию навестить своих ребят¹³³, которых я не видал так же давно, как Вас, т. е. около 11 лет. Они меня встретили очень сердечно, и это посещение Барановки было большим праздником для меня.

Скажите Оле, что жду от нее письма, а если скоро не получу, сам напишу. Сердечный ей привет. Скажите, что Миша¹³⁴ жив, молодой ученый, специалист по птицам. Очень славный, как и был.

Сердечный привет от нас всем Вам.

Ваш Коля¹³⁵.

<16 февраля 1924 г. Ленинград>

Дорогая Лидия Карловна!

Очень захотелось побеседовать с Вами. Надеюсь, что и Вы напишете мне несколько слов.

Вспоминаю Вас очень часто. Мы живем на М. Посадской, и я, проходя мимо Вашего дома, каждый раз смотрю на фонарь в 3-ем этаже и вспоминаю Вашу гостиную, всех Вас и то время, когда мы бывали вместе.

Вспоминал я Вас недавно и под Новый год. Вспоминал как мы встречали его, 1913-ый, на берегу Черного моря. Море было бурное, но ночь не была холодной. С нами был Гриша, но с нами не было Вовы. Я это Рождество у Вас вспоминаю с особой любовью. Оно оказалось значительной гранью моей жизни.

Помните нашу беседу в Нижнем парке о браке? Вчера была 9-ая годовщина нашей свадьбы. И вот я могу Вам написать, что все то, что я говорил Вам тогда, сбылось в полной мере и я ни от чего не оказываюсь.

Мы глубоко счастливы друг в друге. Пишу Вам об этом потому, что Вы любили нас тогда, может быть, любите и теперь.

Мы пережили много страшного, но дурного не пережили ничего. Я часто думаю о смерти, потому что смерть вошла в нас со смертью детей, но думаю о ней спокойно, потому что чувствую вечное. И вместе с тем я очень страстно хочу жить и хотел бы жить долго-долго, пока не замерзнет наша планета.

Вспоминал Вас недавно в беседе с Иосифом Брониславовичем¹³⁶. Как-то собрались у меня мои бывшие ученики и их новые друзья, кончившие теперь университет. Они на нас

---

¹³³ Весной 1906 г. во время очередного визита к родственникам Курбатовым в Барановку Анциферов начал занятия с неграмотными крестьянскими детьми 6–12 лет. «Ядро составили 20 человек, из которых около половины было девочек. Вскоре мы разделили наших учеников на группы, по степени их успеваемости. Утренние занятия состояли из обучения азбуке, арифметике и разучивания стихов. Ребята читали хором и нараспев» (Анциферов 1992. С. 108–109).

¹³⁴ Возможно, речь идет о Михаиле Алексеевиче Фортунатове.

¹³⁵ Печатается по первоисточнику: АРАН. Ф. 584. Оп. 6. Д. 130.

¹³⁶ Селиханович Иосиф Брониславович (1881 – не ранее 1952) – философ и педагог, учитель юношеских лет Н. П. Анциферова. В 1903–1905 гг. учился в Московском университете у С. Н. Трубецкого и П. Г. Виноградова, затем в Петербургском университете у Г. В. Форстена и А. И. Введенского. Там же в 1911 г. был оставлен по кафедре философии. В 1920-х гг. жил в Киеве, занимался историей педагогики, был научным сотрудником кафедры педологии при Всеукраинской академии наук; описан в мемуарах Анциферова (Анциферов 1992. С. 132, 136–139, 217–227).

не очень похожи. Они с большим уклоном к художественному, чем были мы, они лучше ценят научный труд, чем ценили мы. Но они скептичнее нас и равнодушнее к нравственным вопросам. Но они пока что нравственно хороши. Но, понимаете, как-то холоднее нас.

Шла оживленная беседа. Вдруг стук в дверь, и является Иосиф Брониславович. А я о нем уже 6 лет ничего не знаю. Иосиф Брониславович все тот же. Такой же оживленный студент, вечный студент. Глаза яркие, та же улыбка, та же подвижность. Тот же язык немножко насмешливый и выразительный. В такой же синей куртке. Только морщинки около глаз, но они едва заметны. Мне кажется, что мы теперь выглядим одних лет. Но он смеется надо мной.

Селицкий¹³⁷ теперь директор в Киеве. Очень деятельный и увлеченный. Ну, пора кончать.

Живем мы вчетвером. Объективно говоря, плохо, т. е. очень бедно, но по сравнению с прошлыми годами хорошо, и нужда нас не гнетет. Сын мой, Светик (Сергей), светит и греет. Привет Ольге Николаевне¹³⁸ и Василию Николаевичу¹³⁹, последнему – от всех нас.

Ваш Коля.

---

¹³⁷ Селицкий Герман Абрамович (1888–1957) – инженер, киевский друг Анциферова, во время студенческих волнений в Киеве в 1905–1906 гг. был исключен из реального училища за неблагонадежность. Описан в мемуарах Анциферова (Конволют 1. Л. 105. Семейный архив М. С. Анциферова).

¹³⁸ Ольга Николаевна Мечникова (урожд. Белокопытова) (1858–1944) – художница и мемуаристка, жена И. И. Мечникова, описана в мемуарах Н. П. (Анциферов 1992. С. 269–272).

¹³⁹ Василий Николаевич Белокопытов.

1920–1930-е годы

Письма Татьяне Борисовне Лозинской¹⁴⁰

9 июля 1929 г. Ленинград

Глубокоуважаемая Татьяна Борисовна!

В связи с получением доверенности на Ваше имя я получил разрешение послать Вам внеочередную открытку. Меня волнует вопрос об оплате авторов. Авансы были даны: Ивану Михайловичу¹⁴¹, Николаю Владимировичу¹⁴², Сергею Александровичу¹⁴³, Софии Михайловне¹⁴⁴. Это авторы, писавшие о районах. Авторы руководящих статей аванса не брали. Переписчики оплачены частично. Пусть с ними договаривается Юлия Федоровна¹⁴⁵. По музейной части авансы выдавал Борис Павлович¹⁴⁶. Не знаю, удастся ли Вам найти список авансов, поэтому о некоторых придется спросить авторов. Авансы маленькие, от 10 до 20 рублей. Если издательство пожелает снять мое имя как редактора – я не возражаю.

Привет мужу, дитяти и Кисе¹⁴⁷.

Ваш Н. Анциф.

Штамп: Проверено Начальник Дома Предварительного Заключение¹⁴⁸.

¹⁴⁰ Печатается по первоисточникам из ОР РНБ. После научной обработки, еще не завершенной, письма будут присоединены к архиву М. Л. Лозинского (Ф. 1437).

¹⁴¹ Иван Михайлович Гревс.

¹⁴² Николай Владимирович Вейнерт (1884–1938) – экскурсовод, педагог Института инженеров коммунального строительства. Судим. В 1929 г. осужден коллегией ОГПУ на три года высылки. Отбывал наказание в г. Кинешме. Вторично арестован 31 января 1931 г. Наказание отбыл. Вновь арестован 21 июня 1938 г. Особой тройкой УНКВД ЛО 27 октября 1938 г. приговорен по ст. 58-6-11 УК РСФСР к высшей мере наказания. Расстрелян в Ленинграде 1 ноября 1938 г. Его жена Ядвига Адольфовна Вейнерт-Влядих трижды высылалась; их сын Юрий Николаевич Вейнерт четырежды судим, погиб в 1951 г. в ссылке.

¹⁴³ Сергей Александрович Безбах (1898–1940) – краевед.

¹⁴⁴ София Михайловна Глаголева (урожд. Данини; 1884 – не ранее 1939) – историограф, историк, краевед.

¹⁴⁵ Юлия Федоровна Тихомирова (1890–1979) – краевед, жена краеведа Александра Матвеевича Хордикийнена, также проходившего по «делу краеведов», выпускница Бестужевских курсов.

¹⁴⁶ Борис Павлович Брюллов (1882–1939?) – искусствовед и краевед, автор путеводителей по Ленинграду. Внук архитектора А. П. Брюллова, ученик Гревса (Фролов В. А. Жизнь и деятельность Б. П. Брюллова // Анциферовские чтения: Материалы и тезисы конференции (20–22 декабря 1989 г.). Л., 1989. С. 40–42).

¹⁴⁷ Киса (Киска) – дружеское прозвище Ксении Владимировны Ползиковой-Рубец (1889–1949) – педагог, экскурсионист, в 1920-х гг. сотрудница Экскурсионного института. Проходила вместе с Анциферовым и другими по «делу краеведов». 23 августа 1931 г. осуждена на три года административной высылки, проживала в Архангельске. Анциферов, находящийся в заключении, и Лозинская избегают в переписке упоминаний настоящих имен, отчеств и фамилий лиц из своего ближайшего окружения.

¹⁴⁸ На конверте обозначены адрес Лозинской: Ленинград, ул. Красных Зорь, д. 73–75, кв. 26, и адрес отправителя: ДПЗ, корп. 3, кам. 23. В ночь на 23 апреля 1929 г. Анциферов был арестован как участник «контрреволюционной монархической организации „Воскресенье“» («дело А. А. Майера»). Был помещен в ДПЗ на Шпалерной, 25. 22 июля 1929 г. он был приговорен к трем годам исправительно-трудовых лагерей и в августе отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения (Кемь). 4 мая 1930 г. был арестован в лагере как участник «контрреволюционной организации» в результате следствия по «делу Академии наук», в частности Центрального бюро краеведения, находился под следствием в изоляторе на Секирной горе на Соловках, 20 июня ему был продлен срок заключения на год. Летом 1930 г. он этапирован в Ленинград для следствия по «делу АН». 23 августа 1931 г. приговорен к пяти годам исправительно-трудовых лагерей. Отбывал срок на Медвежьей горе, был освобожден осенью 1933 г. «по зачетам». Арест, пребывание в ДПЗ, ссылка описаны в мемуарах (Анциферов 1992. С. 323–398).

9 апреля 1930 г. Кемь

Дорогая Татьяна Борисовна!

Буду номеровать свои письма: это первое. Так легче переписываться, а в связи с решением вопроса о судьбе детей, столь затянувшимся, это важно.

Отъезд Светика, как я и думал, вверх меня, надеюсь – на время, в горькую печаль. Я следил за уходящим поездом и физически ощущал стужавшийся вокруг меня мрак одиночества, и только мысль о том, что он всегда со мною, поддержала меня. А день был такой светлый, овеянный дыханием приближающейся весны! Мне кто-то сказал сочувственно: «Лучше бы этих свиданий не было, от них еще хуже потом». Ну нет, как бы плохо ни было, но я бесконечно благодарен за свиданье, оно надолго заполнит разгоревшимся чувством любви мою жизнь, согреет ее. Вечером было северное сияние такое великолепное, какого я никогда не видал. Это были не снопы, как обычно, а трепетали лучезарные крылья, заполнявшие большую часть неба. Повторилось сияние и в следующую ночь. Я отыскал созвездие трех волхвов (в Орионе) и вспомнил, как Светик, глядя на три пуговицы моего рукава, сказал – «это у тебя тоже три волхва». А дома на кровати – забытая его подушечка, и когда я лег спать, то ощутил ее под своей головой как его ласку. Он во сне все ласкал меня. Я его часто будил толкая, он открывал глаза и начинал рукой гладить меня или прижимался ко мне. А его подушечка – мне теперь словно остаток его ласки, словно она впитала его сны, его думы и мечты. Светик мне показался очень маленьким, таким же глупым мальчущечкой, каким был, полным шалостей, фантазий и скрытой нежности. В этом <1 слово нрзб> много-много застенчивости и скрытности в том, что для него особенно важно. Вспомните его на кладбище.

Какое же счастье, что он побыл эти три дня со мною, всколыхнув всю мою жизнь. И если с этим связано страдание, то да будет благословенно и оно.

Я сейчас полон Светиком: его движеньем, голосом, улыбкой, взглядом, его песнями, шутками, проказами, полон благодарностью, что его привозили ко мне. В нем я ощутил и его мать, едва уловимую в чертах лица, вложившую в него столько любви, и эту любовь я ощущал как печать, возложенную на него. И если он и Танюшка будут хорошими людьми, то мне ничего больше от жизни не надо, ничего. И в моей жизни, значит, все хорошо.

Простите, что все писал о сыне, но сейчас ни о чем другом писать не мог. Думаю о Вас и Вашей семье постоянно и встречу с Вами считаю одним из благословений моей жизни.

Сейчас я один в своей комнате. Жалобно мяучит кошка – она рожает. Когда я подхожу к ней и ласкаю ее, она перестает мяукать, а начинает мурлыкать. Чувствует, что не одна, и вот я как-то не могу этого обстоятельства объяснить рефлексологией¹⁴⁹, а по умбрийской школе¹⁵⁰ выходит понятно. Ну, всего светлого Вам и Вашей семье.

Ваш Н. Анц.

АКССР, г. Кемь. УСЛОН Кемский отдельный пункт.

Р. С. Калоши купил.

---

¹⁴⁹ Основное положение рефлексологии как объективной психологии, согласно В. М. Бехтереву, состоит в том, что отдельные жизненные проявления организма имеют характер реакции на меняющиеся условия среды, с помощью которой он стремится отстоять и утвердить свое бытие.

¹⁵⁰ Живописная школа в итальянском искусстве XIII – начала XVI в. с центром в Перудже, характерными чертами которой считаются тонкий лиризм и ощущение поэтической гармонии человека и природы, светлая мистика.

<Осень—зима 1931 г. Медвежья гора>

Дорогая Татьяна Борисовна,

Только что получил карточку Тани, большое спасибо. Перед отъездом на линию решил написать Вам. Побившись с канцелярской работой (мне даже в газетной экспедиции пришлось поработать счетоводом, вот было наказанье!), я решил получить новую квалификацию и провел практические занятия по геологии¹⁵¹. Теперь мне предстоит без достаточной теоретической подготовки ехать на линию коллектором¹⁵². Геология меня интересовала всегда, и я, приступивши к ней, чувствую, что и на душе стало спокойнее, яснее. На свой выбор я смотрю серьезно. Он мне и в будущем даст возможность прокормить детей. Видите, я стал думать о будущем, а это хороший знак. На душе у меня теперь бывает хорошо. Нельзя было в жизни сразу пережить все то доброе, что мне было дано судьбой. И вот вложенное в меня тогда теперь раскрывается во всей полноте. Я брожу по горам. Ходил на вершину, где полянка и ели, откуда вид на озеро¹⁵³. Было уже около 12 ночи, и как я наслаждался одиночеством! Какое это было благо для человека. Недавно был там под утро и встретил восход солнца. Восходит оно над озером. Краски яркие, с массой нежнейших переливов. Геология еще больше сблизит меня с природой. И с простой жизнью. И как я жду, что наступит время, когда на душе будет тишина. Мне жаль расставаться с этими местами. Но я надеюсь снова вернуться и встретить весной здесь детей. А как они хорошо мне иногда снятся. Но как редко снится Таня. А Таточка и Павлинька ни разу не снились. Я буду бороться с тоской о детях. Мне все же боязно за их путешествие зимой.

О Вас думаю не только с чувством любви и благодарности, но и с каким-то удивлением. Простите.

В Вашем письме меня огорчило Ваше недовольство отношениями с сыном. Это, вероятно, на почве Ваших забот о его здоровье. Или есть и другие причины?

Как я рад, что мне не нужно сейчас ни о чем просить. Вещи свои получил полностью, и какая радость для меня была встреча с ними. Из дому получил три посылки. Вот только писем из дому от детей все нет как нет. Обо мне не грустите. Все пройдет, одна правда останется. Так часто говорила Таня.

Привет вашей семье.

Ваш Коля.

Адрес мой прежний. Когда узнаю новый, напишу. Письма мне перешлют.

Путеводитель по Ленинграду еще не получил. А как чувствует себя Киска?

---

¹⁵¹ 3 июня 1930 г. принято постановление Совета труда и обороны о строительстве Беломорско-Балтийского канала, соединяющего Белое море с Онежским озером и дающего выход к Балтийскому морю и к Волго-Балтийскому водному пути. Это была первая великая стройка, на которой был использован труд заключенных. Они принимали участие в его проектировании, проведении геолого-разведочных работ и строительстве (Рассказов Л. Роль ГУЛАГА в предвоенных пятилетках. Экономическая история: Ежегодник. М.: Росспэн, 2003. С. 269–319; Дмитриев Ю. А. Беломорско-Балтийский водный путь: От замыслов до воплощения. Петрозаводск: [б. и.], 2003).

¹⁵² Коллектор – профессия в геологии: сборщик горных пород. Работа Анциферова коллектором и преподавателем, обучающим заключенных навыкам геолога-коллектора, описана в мемуарах (Анциферов 1992. С. 374–397).

¹⁵³ Онежское озеро.

9 января 1932 г. <Медвежья гора>

Дорогая Татьяна Борисовна,

Хочу побеседовать с Вами. Вижу Вас за шитьем. Я и Татьяну Николаевну вспоминаю часто за шитьем. Сидела рядом, когда я работал над книгой, и помогала мне. Недавно долго, долго думал о ней, перечитывал письма. Я был совсем один, среди сосен. И так много пережил, что меня спросили «Что это Вы так осунулись?». Как это хорошо; как хорошо, что все так живо во мне, что могу страдать, как будто все было вчера. Значит, я жив в полной мере. Ведь правда?

Сообщаю Вам свой точный адрес. Медвежья гора. Мурм. ж. д. СЛАГ Медвежьегорский отдельный лагерный пункт. I-ый лагерь, I-ая рота.

Как видите, я задержался на Медвежьей горе. Накануне у меня был сердечный припадок.

Доктор нашел расширение сердца, некомпенсированный миокардит и обострение нев-роза сердца. Решено меня оставить на Медвежьей горе, т. к. при ухудшении деятельности сердца работа в зимних условиях на производстве признана вредной. Однако я остаюсь рабо-тать в том же учреждении, чтобы лучше подготовиться и к весне отправиться на производство.

Светик мне написал, что он увлечен естествознанием и учит пески и глины. Скажите ему при случае, что я занят тем же и очень увлечен.

Наладилась переписка с детьми. От Светика имею два больших деловитых письма, от Танюши 3 и очень нежных, с рисунками. Ну вот теперь я чувствую новые силы жить и ждать соединения своей жизни с жизнью детей. Мама мне писала, что Светику трудно учиться. Как он учится? К сожалению, от тети Ани ни слова за все время.

Надеюсь дождаться Вашего приезда на Медвежьей горе. Не сможете ли Вы приехать, как в прошлый раз, в первых числах апреля? Теперь значительно облегчена возможность получить разрешение на свидание. Вот-то будет хорошо! Когда я начинаю конкретизировать, то мне даже как-то страшно становится: неужели для меня еще возможно такое счастье!

Поздравляю Вас, дорогая Татьяна Борисовна, лучшая из женщин, как я с Таней называл Вас. Больше всего желаю Вам радости от Ваших детей. При случае поздравьте и мою Таню-шечку-душечку.

Зима у нас очень мягкая. Несколько раз шел дождь. Может быть, мягкая погода будет и в конце зимы. Вот только очень трудно подыскать для свидания комнату, напишите мне заранее о своих планах, чтобы я мог занять очередь на комнату. Обо мне не грустите, мне хорошо.

Привет всем.

Ваш Н. Анциферов.

Химию получил, спасибо. Получил и 3 посылки.

<Январь 1932 г. Медвежья гора>

Дорогая Татьяна Борисовна,

Уже давно нет от Вас вестей. Последнее письмо было о Вашей поездке к детям, за поездку и за письмо очень благодарю Вас. Об этом я писал Вам месяц тому назад.

Сегодня подал просьбу относительно свидания. Прошу Вас точно сообщить мне, когда приедете. На всякий случай прошу и о Светике, и о Танюше. К поискам комнаты приступлю, как только получу разрешение.

Итак, остается меньше месяца, и мне страшно. Я так каждым ионом своего существа жажду получить это счастье, что не могу не бояться, чтобы что-нибудь не помешало приезду. Мне кажется, что я внутренне не готов к свиданию. Что я, наконец, недостоин его.

Весна в преддверии. Солнце при ясном небе начинает греть. Краски становятся во время заката какими-то влажными.

От Танюши писем нет очень давно. От Светика получил письмо, в котором он пишет, что болел, и сообщает о прочитанном. Письмо без лирики, деловое.

Помню, как Вы показывали мне письма Ваших детей, такая разница в них. Мальчик и девочка. Как-то я встречусь с ними! Волосы мои и борода отросли, так что я буду «прежним папой».

Дома меня не забывают. Посылки приходили каждую неделю. Я послал протест. Питаюсь вполне прилично. Это я пишу Вам, а не только маме. Ее-то я обязан утешать, а Вам можно и правду писать. Так вот я пишу, что питаюсь вполне прилично и пища все улучшается. При-
слали мне и книжку о детстве Шахматова¹⁵⁴, очень хорошая книжка.

Карточки детей все нет.

Сейчас работы много, и мне нужно читать по специальности.

Так что читать воспоминания и беллетристику приходится урывками. Очень заинтересовала автобиография Пастернака: «Охранная грамота»¹⁵⁵. Недавно получил грипп, температура доходила до 39, но все скоро прошло. Болезнь дала мне возможность почитать. Уход за мной был хороший. По-прежнему очень интересуюсь геологией. И, как на воле бывало, когда кончается день, думаешь, как же быстро он прошел, потому что хочется еще поработать. И это даже так в ожидании свидания. Почему? А вот чувство есть такое, словно внутренне не приготовился. Такое значение я придаю встрече с детьми, кого бы Вы мне ни привезли. Привезите зубную щетку, пропала она у меня, просто беда.

Привет Вашим.

Н. Анциферов

Февраль 1932 г. <Медвежья гора>

Дорогая Татьяна Борисовна, получил и письмо, и все три посылки (в январе). Спасибо большое. Все очень пригodiлось. Жаль только, что на талонах отрывных нет двух-трех слов в тех случаях, когда посылка подписана Вами. Не знаю, кого просить пригласить и привезти детей. Когда я выбирал, тут-то и почувствовал, что люблю их одинаково. Как будто Танюша имеет больше прав на поездку, но мне все кажется, что ей лучше живется с родными, чем Светику. Кроме того, мне кажется, что комбинация Вас и Светика, тети Ани и Танюши лучше.

---

¹⁵⁴ Речь идет об изд.: Масальская Е. А. Повесть о брате моем А. А. Шахматове. Ч. 1. Легендарный мальчик. М.: Изд-во М. и С. Сабашниковых, 1929.

¹⁵⁵ «Охранная грамота» — автобиографическая повесть Б. Л. Пастернака впервые вышла в свет отдельным изданием в ноябре 1931 г. (Пастернак Б. Л. Охранная грамота. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1931) и стала предметом разгромной партийной критики. Автобиографизм произведения, подчас переходящий в исповедь, дал повод для идеологических инвектив. Литературные критики, члены Российской ассоциации пролетарских писателей Я. Эльсберг, А. Селивановский, Н. Оружейников открыто осудили творческую манеру поэта и его мировоззрение. После дискуссии А. Тарасенков в «Литературной газете» называет произведение «уходом в идеалистическое созерцательство, аполитизмом, сопряженным в своем объективном развитии с уходом от пролетариата в стан его прямых врагов», а весь творческий метод поэта — субъективным идеализмом (Селивановский А. О буржуазном реставраторстве и социалистической лирике (Речь на поэтической дискуссии в ВССП 16 дек. 1931) // Красная новь. 1932. № 2. С. 156–157; Тарасенков А. К. Охранная грамота идеализма // Литературная газета. 1931. 18 декабря. С. 2).

Вот pro et contra обеих возможностей. Итак, кого Вы ни привезете, все будет хорошо, за все спасибо. Только бы дождаться. Здоровье мое лучше. А мою глупую жизнерадостность ничто не берет. Остаюсь каким-то желторотым на всю жизнь. Очень грустно, что я не стал лучше. После всего пережитого. Хочу верить, что не стал и хуже.

Что с Кисой, ее как-то все это время очень живо люблю. Я, как и она, – больше любим друг друга, когда плохо кому-нибудь из нас. Если можно, передайте ей от меня привет. От Гоги хорошая открытка.

Padre горячий привет, постоянно думаю о нем, и мысль о нем всегда подкрепляет меня. Только бы он был светел духом, а в частности, мне очень не хочется, чтобы воспоминание обо мне бросало на него тень. Я хочу, чтобы, наоборот, ему было бы радостно думать обо мне.

Жду, жду свиданья с Вами и с тем, кого Вы привезете. Известите только заранее, так как найти помещение ужасно трудно.

Жду, и все поет во мне.

Привет Вашим, padre и его семье и Алисе¹⁵⁶.

Ваш НАнц

15 февраля 1932 г. <Медвежья гора>

Дорогая Татьяна Борисовна, у меня праздник, совпавший с выходным днем. Передо мной лежат письма Светика, его карточка и Ваше письмо о детях. Дружелюбно за спиной шумит печурка. Мое поздравительное письмо к этому дню, вероятно, уже получено Светиком. Ему сегодня 11 лет. Год за годом их детство проходит без меня, а мне бы хотелось дышать с ними вместе каждой минутой. От детей писем нет как нет. Не получил я и их карточки. Но зато я получил Ваше «чудеснейшее», как любит выражаться дядя Иван, когда он чем-нибудь очень доволен, чудеснейшее письмо о посещении Вами детей, в котором каждая строчка говорила о Вашем уме, чуткости и доброте. Сквозь Ваше письмо, как сквозь открывшееся окошко, на меня повеяло моим былым. Я несказанно благодарен Вам и за посещение, и за письмо.

После долгого перерыва к Татьянинному дню¹⁵⁷ я получил письмо от Вас и от Гогуса. В этот же день пришла посылка. Я провел весь день с большим напряжением, как переживаю все значительное, и во мне слились в одно боль и радость.

По-прежнему я не могу решить, кого из детей ждать на свидание. Очередь Танюши и формально, и внутренне, т. е. мне теперь хочется с ней пожить чуточку. Но еще холодное время, и по возможности полазить по скалам в обстановке, напоминающей ландшафты Ф. Купера¹⁵⁸, настраивает меня в пользу Светика. Во всяком случае, свиданья с детьми летом мне также разрешат, и выбор теперь не есть вопрос излишне острый. Свиданье, надеюсь, разрешат иметь 10 дней, только сообщите заранее точно день, чтобы я мог подыскать помещение, что не очень легко. Лучше всего приезжать к 1-му апрелю.

Мне даже как-то страшно, что осталось так мало ждать – 1½ месяца! Все не верится в это счастье. Эх, только бы письма из дому были. Посылки получаю очень часто, этот привет из дому всегда праздник, но все же это не письмо! Недавно получил книжку «Пушкинский Петербург», издано хорошо, материал собран любовно и очень интересный, но мысли

---

¹⁵⁶ Алиса – Алиса Владимировна Банк (1906–1984) – ученица Н. П. Анциферова; доктор исторических наук, специалист в области культуры и искусства Византии. С 1931 г. работала в Эрмитаже, с 1940 г. возглавляла здесь отделение Византии и Ближнего Востока.

¹⁵⁷ День именин Татьяны Николаевны Оберучевой, 25 января.

¹⁵⁸ Американский романист и сатирик, классик приключенческой литературы Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) большое место уделял описанию американских пейзажей.

кот заплакал¹⁵⁹. Скажите, можно ли купить в Издательстве «Время» Р. Роллана тома с Жаном Кристофом¹⁶⁰. Мне эту книгу, вплетшуюся во всю нашу жизнь, хотелось бы завещать детям. Деньги я или вышлю, или отдам при свидании. Высылать сюда книгу не надо.

Здоровье мое не беспокоит. Я даже грипп перенес на ногах без особого труда. Я теперь ударник. Работы много, но работать интересно, я увлекаюсь. Сплю в той же комнате, где работаю. Чем больше работаю, тем лучше себя чувствую. Я труд всегда любил, но оценивал труд как средство жизни. Человек трудится для того, чтобы жить. А теперь я как-то очень по-хорошему понял, что человек живет и для того, чтобы трудиться.

Как Ваши домашние? А синий мешок Вашего мужа изорвался и пошел на заплаты шубы (подкладки).

Привет Вашим

Ваш Н. Анциферов

18 марта 1932 г. <Медвежья гора>

Ну вот, дорогая Татьяна Борисовна, все готово. Разрешение есть, комната снята, заказ принят. Просьба хозяйки: привезти что-нибудь из промтоваров. Пишу Вам немного, т. к. спешу на службу и задерживать письма не хочу. По получении его прошу Вас поторопиться с выездом, т. к. боюсь, чтобы не случилось чего с комнатой, а найти комнату очень трудно. Пошлите непременно телеграмму, чтобы я мог Вас встретить. Если телеграмма не будет мне доставлена вовремя, то по приезде обратитесь в комендатуру Белбалтлага, и Вам укажут, как меня найти. Это будет нетрудно. Так как для Вас будет один тюфяк, то захватите для Светика большую подушку. Вторую под голову я ему дам. Будет коротко, но мягко. А к неудобствам нужно ему уже привыкать. Прошу Вас, привезите мне зубную щетку, старую белую толстовку и от издателей несколько моих книг (без хрестоматии). Если не трудно, то привезите и галоши № 11. Но может быть, я смогу достать и здесь. Разрешение дано на неделю. Продлить его можно, вероятно, еще на неделю. Но я знаю, что Вам это трудно, и мечтаю о 10-ти днях.

Дорогая Татьяна Борисовна, как я Вам благодарен. Но есть же и для Вас хотя бы маленькая радость в том, что Вы везете с собой такое счастье. Я знаю, что по отъезде буду остро страдать, но страданий не боюсь. Пусть будет и мрак, лишь бы был свет.

Жду.

Ваш Н. Анциферов

Привет всем

---

¹⁵⁹ Речь идет о книге А. Г. Яцевича «Пушкинский Петербург» со вступительной статьей П. Н. Столпянского (Л.: Общество Старый Петербург – Новый Ленинград, 1931). До 1935 г. книга дважды переиздавалась. Знакомство Анциферова с Яцевичем состоялось в обществе «Старый Петербург – Новый Ленинград». В октябре 1925 г. отдел популяризации общества, бывшее экскурсионное бюро «Старого Петербурга», работавший при деятельном участии и научном руководстве Анциферова, решением нового состава Совета общества был закрыт. Группа его старейших членов, первых организаторов общества, среди них его основатель искусствовед С. Н. Жарновский, выступила против такого решения, зафиксировав свое мнение специальным протоколом. Среди выступивших против этого мнения с резолюцией «протокол составлен тенденциозно и не соответствует происходящему» были поставившие под ней подписи А. Г. Яцевич (1888 г. р., юрист по образованию, ученый-археолог по профессии, член общества с середины 1924 г.), В. А. Таубер и П. Н. Столпянский. В 1925 г. председателем общества «Старый Петербург – Новый Ленинград» становится Столпянский. 4 декабря 1925 г. из общества вышли 43 человека, все из числа его старинных членов. Причиной послужило закрытие отдела популяризации, воспринятое как измена духу устава. Подводя итоги совершившемуся, А. Г. Яцевич заметил, что общество фактически распалось на два – «Старый Петербург» и «Новый Ленинград», с разным личным составом. По мнению Яцевича, «старый метод работы должен отпасть» (см.: Московская 2010. С. 38).

¹⁶⁰ Речь идет об издании: *Роллан Р.* Жан-Кристоф: В 5 т. / Предисл. автора, М. Горького, А. В. Луначарского и Стефана Цвейга; под ред. П. С. Когана, С. Ф. Ольденбурга и А. А. Смирнова. Т. 1–5. Л.: Время, 1933–1934.

30 мая 1932 г. <Медвежья гора>

Дорогая Татьяна Борисовна, сейчас я один, раннее утро, и так влечет побеседовать с Вами. Весна развивается медленно. Только березы покрылись мелкими, еще клейкими листочками. Оляха, которую я показывал Вам, когда мы шли вдоль леса, покинув Ясную поляну, еще не раскрыла почек. Но на месте снежной равнины теперь плещутся волны, и темно-синяя даль озера – бесконечна, как море. Когда я вчера лежал на его берегу и слушал прибой, он звучал мне вестью о былом.

Татьяна Борисовна, ведь это первая весна с 1928 года. Значит, прошло 4 года без весны!

Мне было бы хорошо, если бы не память. Романтики (из плохих) мечтали о забвении. Но я больше всего дорожу своей памятью. Я хочу остаться при ней, хотя ее постоянной спутницей является мука. Я читал письмо Маццини к Консуэлле¹⁶¹, в котором он пишет о той силе, что не отрекается ни от любви, ни от страдания. И я полюбил страдания, потому что в них жизнь и в них любовь. Поймете ли Вы меня, не страшитесь и Вы. Как мне тяжело, что я не могу помочь Вам в Вашей горе. Как мне дороги Ваши слова, что мысль о Татьяне Николаевне учит Вас нести крест свой.

А я все время теперь возвращаюсь к дням, проведенным с сыном. Как ни любил я его все это время разлуки, но только на свидании, прижав его к себе, ощутил до дна свою любовь. Как запылала она и как все озарила!

Я все время ощущал жену, которая радовалась за нас.

Удалось ли Вам со Светиком побывать на ее могиле?

Сможете ли Вы приехать. Если бы это было возможно знать! Я писал о своем желании видеть детей (кого-нибудь из них) еще и осенью. Осень у нас хорошая, лучше весны. Но может быть, разумнее другой план. Если бы Вы смогли привезти детей в начале июля и оставить их у меня. Они у меня, вероятно, могли бы прожить недели три и провести со мной праздник Светика¹⁶². Хорошо, если бы за ними смогла приехать тетя Аня. Я надеюсь, что когда объясню мое семейное положение, то мне это будет здесь разрешено. Тогда бы я удовлетворился до весны будущего года.

Может быть, этот план удобнее и дешевле. Как думаете Вы? Я часто размышляю о тете Ане. Какая у нее одинокая и тяжелая жизнь, какое бремя легло на ее плечи! Так и вижу ее перед собою исхудалую, больную, озабоченную.

Прочел недавно «Стихотворения в прозе» Тургенева в издательстве «Академия»¹⁶³. Много вспомнилось. Думал и об авторе «Любови в жизни Тургенева»¹⁶⁴, как всегда с чувством светлым, полным удивления и благодарности. Купил «Архив Огаревых»¹⁶⁵. Как я ждал с Таней выхода этой книги, когда мы работали над нашей книгой о Н. А. Герцен!¹⁶⁶ Теперь она у меня. И я работал над ней, переносясь в свое прошлое. Для меня особое значение приобрела последняя зима ее жизни. Когда же я смогу побывать на ее могиле!

¹⁶¹ *Мадзини* (Маццини) Джузеппе (1805–1872) – выдающийся деятель итальянского национально-освободительного движения, входивший в круг близкого общения А. И. Герцена. Состоял в переписке с Н. П. Огаревым и его женой Н. А. Тучковой. *Консуэлла* – прозвище Натальи Алексеевны Тучковой, данное ей женой Герцена; *consuelo* (исп.) – утешение, успокоение, отрада.

¹⁶² По-видимому, речь идет об именинах Сергея.

¹⁶³ Речь идет о книге: *Тургенев И. С. Стихотворения в прозе*. М.; Л.: Academia, 1927.

¹⁶⁴ Речь идет о книге: *Гревс И. М. История одной любви*: И. С. Тургенев и Полина Виардо. М.: Современные проблемы, 1927.

¹⁶⁵ Речь идет о книге: *Архив Н. А. и Н. П. и Огаревых / Собрал и подготовил к печати М. О. Гершензон; Ред. и предисл. В. П. Полонского; Примечания Н. М. Мендельсона и Я. З. Черняка*. М.; Л.: Гос. изд-во, 1930.

¹⁶⁶ Речь идет о рукописи «Любовь Герцена», посвященной жене А. И. Герцена, не публиковалась.

До свиданья, дорогая Татьяна Борисовна, привет Вашим.

Ваш Н. Анциферов

21 июля 1932 г. <Медвежья гора>

Дорогая Татьяна Борисовна, известие о смерти Людмилы Николаевны¹⁶⁷ застало меня совершенно врасплох. В конце зимы я, правда, о ней начал волноваться, но сообщение, что она с матерью уехала в Крым на лето, меня успокоило. Ведь Татьяне Николаевне разрешили ехать только осенью, когда жара спала и в тот период ее болезни, когда процесс заглох. Смерть взяла Мэку, когда жизнь ее разбилась. Но так трудно связать мысль о ее смерти с этим образом ясной, жизнерадостной вечной девочки. Я так мечтал, что она будет жить у нас и внесет в жизнь с собой недостающую ей радостность и мягкость. Что теперь будет с Люлей (ее дочь). Известие о смерти Мэки пришло в годовщину смерти Таточки; я до сих пор не собрался с духом сказать Светику, боясь омрачить его удивительно радостное душевное состояние. Но я сказал ему, желая подготовить, что тетя Мэка тяжело больна, и если она не поправится, то Люля будет жить с нами. Светик стал очень серьезен и сказал: «Мне очень хочется, чтобы Люля жила с нами. Но пусть этого не будет никогда, лишь бы тетя Мэка поправилась».

У меня очень много связано в жизни с Людмилой Николаевной, и с ее уходом из жизни еще более пусто становится вокруг. К тому же с ней еще какая-то доля жизни Татьяны Николаевны отмерла. Особенно тяжело думать, что радостная наша девочка умерла в сознании разбитости своей жизни. Татьяна Николаевна умерла в сознании своего счастья.

Неужели и теперь Анна Николаевна мне ничего не напишет? Мне так нужно знать о последнем периоде жизни младшей сестры!

На что мне теперь надеяться в начале августа? Танюшу мне видеть необходимо. А надежды, что в сентябре ей отдельно разрешат свидание со мною, – очень, очень мало. Со Светиком живем очень хорошо. Наконец на мою долю выпала поистине светлая полоса жизни с ним. Вы правы – я под охраной его ласки и любви. Какая Вы удивительная «лучшая женщина», как Вы всегда найдете то, что мне нужно сказать или сделать! Вы меня очень утешаете тем, что пишете про отношение Татьяны Ивановны¹⁶⁸ к Светику. Меня очень мучила мысль, что ее великодушный порыв принес ей только разочарование. Но в этом опасении моем упрека к ней не скрыто. Если бы Вы могли прислать мне несколько выписок из писем тети Тани о сыне! Получила ли Катя мое письмо, я ее прошу о том же.

Живем всё там же. Теперь очень тепло. Утром Светик немного занимается по моим заданиям и прибирает в комнате. Днем играет со своим сверстником Колей. Вечером занимается со мной, гуляет. Читаем «Давида Коперфильда»¹⁶⁹. Все с ним очень, очень хорошо. Он так много может по-хорошему понять. Привет семье padre и Вашей.

Ваш Н. Анц

Спасибо, что привезли меня к папе. Светик¹⁷⁰.

---

¹⁶⁷ Людмила Николаевна Оберучева.

¹⁶⁸ Неустановленное лицо.

¹⁶⁹ Речь идет о романе «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» (1849), одном из самых популярных произведений английского писателя Чарльза Диккенса.

¹⁷⁰ Приписка Сергея Николаевича Анциферова.

<Август 1932 г. Медвежья гора>

Дорогой друг, накануне отъезда Светик заболел. Выяснилось – аппендицит. Доктор (очень хороший хирург) сказал: «К утру не станет лучше – потребуется операция». С большим трудом я достал немного льда и ночью ставил на живот пузырь. Утром Светику стало чуть лучше, но ненадолго. Тогда я созвал консилиум с профессором Фурманом¹⁷¹, и была решена операция. На носилках унесли его из нашей хибарки. Светик, который всю ночь был так нежен со мной, просил, чтобы я не покидал его. Но меня усадили за рубашкой, и, когда я вернулся, он уже лежал на операционном столе за закрытой дверью. Я услышал его стоны – это под наркозом. Через час его пронесли мимо меня, как труп с закатившимися глазами.

Сейчас он пришел в себя. «Папочка, какие ужасы со мной были, как страшно резали меня». Он хотел улыбнуться, но вышла мучительная гримаска. Он все мечется. Видимо, очень томится после наркоза. Мне показали его слепую кишку. В ней уже был гной. Если не будет нагноения, все пройдет благополучно. Подал заявление об отсрочке. Разрешение на свидание с Вами и Танюшей на сентябрь есть. Удастся ли продержаться со Светиком до сентября, не знаю. Вот, дорогой друг, как суждено было омрачиться нашей жизни вдвоем, которая, я знаю, будет иметь для нас обоих громадное значение, потому что она была жизнью в любви.

Привет Вашей семье и семье padre.

Любящий Вас Н. Анциферов.

Была первая потемневшая ночь, когда снова выступили звезды. Мы возвращались домой. Светик порывисто прижался ко мне и сказал так тихо и ласково: «А знаешь, папа, мне кажется, что я скоро умру». Недавно же, засыпая в тиши нашей хибарки, сказал: «Я буду рассказывать своим детям, какие у них были бабушка и дедушка». И, словно спохватившись, добавил: «Только и ты должен быть при этом».

Сентябрь 1932 г. <Медвежья гора>

Мой бедный дорогой друг, совершенно я потрясен известием о Вашей болезни и Вашими мыслями о возможности смерти. Я как-то так привык быть за Вас с этой стороны совершенно спокойным, совершенно уверенным, что Вы переживете меня! Но я сейчас утешаю себя тем, что Вы, так редко болевшая, переживаете факт тяжелой болезни очень глубоко и осмысленно и Ваши мысли о смерти действительно не связаны ни с каким предчувствием, а продиктованы Вашим желанием сознательно и прямодушно ко всему отнестись. Со страшным напряжением буду ждать известия и о ходе болезни. Может быть, Наташа¹⁷² согласится писать мне открыточки о Вашем состоянии.

Накануне я получил Ваше чудесное, прямо скажу, талантливое письмо, в котором Вы описываете возвращение моего сына домой и где Вы пишете, что Вам «ужасно» недостает меня. Я его, как всегда, перечитывал несколько раз, и на меня так хорошо веяло Вашим спокойствием и чуткой, сдержанной лаской. Я, вероятно, очень тоскую. Окружающие говорят, что я хую,

---

¹⁷¹ Фурман Эммануил Бернгардович (1874–1945) – педиатр, основоположник петербургской педиатрической школы. 17 февраля 1930 г. вместе с сыном Борисом был арестован по «делу Академии наук». Отец и сын были приговорены к 10 годам заключения с отбыванием срока в исправительно-трудовом лагере. Фурман был назначен в санитарный взвод кемского лагеря Вегеракша, подчинявшегося Управлению Соловецких лагерей особого назначения, год спустя был переведен в Белтбалтлаг (Медвежья гора), где находилось Управление ОГПУ по строительству Беломорско-Балтийского канала. В августе 1934 г. отец и сын были освобождены.

¹⁷² Наташа – Наталья Михайловна Лозинская, дочь Т. Б. и М. Л. Лозинских (в замужестве Толстая; 1905–2007) – жена Никиты Алексеевича Толстого.

дурно выгляжу. А я здоров, питаюсь прилично, и нет причин мне сдавать. Я всячески глушу в себе тоску работой. Но работу я люблю, и она, казалось бы, не должна изнурять меня. Но вот надежды на лучшее будущее, они действительно будоражат меня, и с надеждами справляться еще труднее, чем с тоской. А тоскую я сейчас не только о детях и матери, но и о Вас. Как мне недостает Вашего присутствия!

В день получения письма я гулял по Кумсе¹⁷³, по самому берегу. Деревья покраснели, пожелтели. А сосны и ели среди них кажутся такими темными. Пахло грибами и сухим листом. У маленького озера, до которого мы не дошли, лес подошел к самой воде, тихой и призрачной. И я думал, как было бы хорошо, если бы Вы еще были со мною. Поправляйтесь скорее и живите не болея долго, долго, радуясь той любви, которую Вы внушаете к себе.

Ваш Н. Анц

20 октября 1932 г. <Медвежья гора>

После Вашей открытки, написанной дрожащей рукой, мой дорогой друг, от Вас ничего. И так тягостно длятся дни в ожидании известий о ходе болезни. Из дому тоже известий нет очень давно.

---

¹⁷³ Кумса – река, протекает по Медвежьегорскому району Карелии. Впадает в Онежское озеро в городе Медвежьегорске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.